

Никита Семин

СЫН ПОМЕЩИКА 13

Никита Семин

Сын помещика 13

«Автор»

2026

Семин Н.

Сын помещика 13 / Н. Семин — «Автор», 2026

Столица встретила Романа неоднозначно, однако не все потеряно. Он сумел заинтересовать Великую княгиню Елену Павловну, под чьим негласным руководством идет работа над крестьянской реформой. Теперь осталось лишь не подвести ожидания Ее Высочества, да не подставиться по глупости. Но иногда подставы случаются не по своей неосмотрительности, а по чужой воле.

© Семин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Никита Семин

Сын помещика 13

Глава 1

9 — 10 декабря 1859 года

Петербург. Михайловский дворец

Салон Елены Павловны набирал обороты. Гости успели выпить по бокалу вина и немного раскрепоститься. Послышались шутки, смех дам и густой бас офицеров. После сообщения слуги я хотел уже пойти в сторону, где в последний раз видел Великую княгиню, но тот аккуратно и незаметно придержал меня.

— Прошу следовать за мной, — сказал слуга.

— Вынужден временно оставить тебя, — повернулся я к Генрику, разведя руки.

Тот лишь понимающе кивнул и ринулся в толпу, на поиск интересного собеседника.

Елена Павловна приняла меня в малой гостиной — той самой, где я час назад беседовал с Черкасским и Самариным. Только теперь за столом сидела она одна, а перед ней лежала раскрытая тетрадь с карандашными пометками. Если я не ошибаюсь — теми самыми, что делали мы с князем и Юрием Федоровичем во время нашего разговора. Жестом отпустив слугу, она указала мне на стул напротив.

— Я говорила с Владимиром Александровичем, — начала Ее Высочество без долгих вступлений, введя меня в некое замешательство. Я-то думал, что наш разговор пойдет о моем выступлении. — Ваш проект его заинтересовал, хоть он и считает, что для всей империи вы замахнулись чересчур широко.

— Князь прав, — я сел и положил ладони на колени, решив пока отложить тему с песнями в сторону и сосредоточиться на беседе. — Сегодняшний разговор многое мне прояснил. Боюсь, я и правда был наивен и многое упрощал.

— Это не порок для вашего возраста, — она улыбнулась краешком губ. — Порок — упорствовать в упрощении, когда вам на него указали. Вы же, насколько я поняла, готовы учиться.

Я склонил голову, принимая её слова и гадая, к чему она ведет.

— Моя просьба будет такой, — вдруг заявила Елена Павловна и пододвинула ко мне тетрадь. — Вы из Саратовской губернии. Возьмите её за основу. Подготовьте план освобождения крестьян именно для тамошних уездов — с учётом ваших идей о мелких производствах, но без отрыва от действительности. Цифры, сроки, источники средств. Всё, что можно проверить.

«Чего?!» — именно такая мысль поселилась в моей голове после слов Великой княгини. Вот уж такого я точно не ожидал. А Ее Высочество продолжила:

— Справитесь за месяц-два? Самарин обещал давать консультации, когда потребуется. А Владимир Александрович проверит готовую работу перед тем, как я покажу её Его Величеству.

Предложение Елены Павловны кардинально меняло все мои планы. Месяц-два — это не год и даже не полгода, но все равно мне придется задержаться в Петербурге. И все это время я буду оторван от дел в нашем поместье. А ведь еще и Фаррух-хан ждет моего возвращения и примерного плана дальнейших действий. И про массажный салон забывать нельзя. Пусть там сейчас мое присутствие и надзор не требуется, но все же... А с другой стороны — я ведь хотел найти себе покровителя в столице? И чем же Ее Высочество меня не устраивает? Выполнить ее задание и в моих интересах. Это ведь я заявлю о себе в столичных кругах очень широко. Да еще и проект реформы именно в Саратовской губернии сделает меня на родной земле чуть ли не первым человеком после государя! Если он будет принят конечно же. Однако — это шанс!

Реальный шанс скакнуть вверх сразу через несколько ступенек в местной табели о рангах. И упускать его нельзя ни в коем случае.

— Справлюсь, — ответил я Елене Павловне. — Благодарю за доверие, Ваше Императорское Высочество.

— Не благодарите заранее, — она откинулась на спинку стула. — Это не синекура. Если ваш прожект окажется пустышкой, я просто потеряю к вам интерес.

Слова прозвучали сухо, но честно. Никаких «я в вас верю», никаких авансов. Деловой подход, какой мне и самому был ближе. И это меня странным образом успокоило. Когда четко представляешь не только возможные перспективы, но и что последует в случае провала, становится гораздо легче на душе.

— Я понимаю, — сказал я. — И ещё... — я запнулся на мгновение, вспомнив о записке Насти с Аней. — У меня есть небольшой вопрос личного характера.

Елена Павловна чуть приподняла в удивлении бровь.

— Я приехал с невестой и ее сестрой. Но в прошлый мой визит к вам Вы ничего не сказали — могу ли я привести их с собой сегодня. С чем это связано?

— Ах вот в чем дело, — понимающе улыбнулась женщина. — Ни с чем. Если желаете, можете прийти в следующий раз с ними. Да, я слышала, что они тоже поют?

— Все верно. Они вчера выступали в салоне графа.

— С удовольствием тоже их послушаю.

Поблагодарив Великую княгиню, я решил все остальные вопросы отложить на потом. Вот появятся первые результаты по полученному заданию, тогда уже можно будет о чем-то еще просить.

— Раз больше вопросов нет, — улыбнулась Елена Павловна, — тогда ступайте — гости заждались вашего сюрприза.

Вопреки словам Елены Павловны, выступать мне пришлось не сразу по возвращению в Белый зал. Минут пятнадцать я бродил по залу, присоединяясь то к одной группе, чтобы переброситься несколькими фразами и напомнить о себе, то к другой. В какой-то момент наши с Генриком пути пересеклись и дальше по залу мы стали блуждать вдвоем. А затем Ее Высочество вернулась к гостям и дала через слуг нам отмашку начинать.

По нашей договоренности, первым выступал Венявский. Он же и задал настрой публике, исполнив с моей труппой «Пиратов». Композиция была принята с восторгом — на аплодисменты не поскупился никто. Дальше уже вышел к сцене я и исполнил «Идем на Восток». Эта песня тоже была принята очень благожелательно. Все-таки правильно заметил вчера Константин Николаевич, что для каждой публики нужно свой репертуар показывать. Вот сейчас в салоне Елены Павловны в основном моряки присутствовали, да еще и боевые офицеры, прошедшие Крымскую войну. Для них песня «Идем на Восток» была словно бальзам на душу. Все же в произведении мы выиграли, а не проиграли. Там уже и «Петропавловск» был принят весьма одобрительно. Никакого недоумения или удивленных и возмущенных шепотков.

Закруглить этот небольшой «концерт» я решил песней «Гангут», которую обещал исполнить как раз здесь. Свет впервые услышит ее, и я волновался, как ее примут гости.

Начал хор из наших мужиков-гитаристов с варганчиком в подпевке. Они задавали настрой композиции. А там и я вступил с первым куплетом. Но насколько протяжным было начало песни, столь неожиданным стал резкий переход к припеву — динамичному, словно слова отправились в галоп, да еще поддержанные барабанами Завадского:

— Несокрушимые воины храброго Карла сегодня падут
В свете величия новой империи робко склонится Гангут
Смог сотен залпов галер Балтики вод развеют ветра
В новые земли неся и маня

За собою флотилию Петра*.

* — песня «Гангут», группа Радиотапок

Была опаска, как отнесутся присутствующие, что самого известного и почитаемого императора нашей страны я называю в песне просто по имени, но сейчас она лишь мешала. Поэтому выкинув все страхи из головы, я продолжил.

Перед слушателями разворачивалась картина, как Балтийский флот нашей страны ворвался на Европейский театр морских военных действий и перевернул представление во всем мире о будущем миропорядке. А главное — ввел Россию в список мировых держав, с которыми необходимо считаться на море.

Когда музыка затихла, зал погрузился в тишину. Не ту неловкую, какая бывает после провала, а в ту, что длится три-четыре секунды и говорит больше любых оваций. Люди не сразу вернулись в салон. Они ещё были там — в балтийских водах, среди галер и порохового дыма.

Первым захлопал Краббе, за ним — какой-то капитан первого ранга, потом и остальные подхватили овации. Великая княгиня сидела в первом ряду и смотрела на меня с выражением, в котором читалось: «Я не ошиблась». Девушки из числа гостей перешёптывались, несколько офицеров подошли к сцене с расспросами — что за инструмент у бородача, откуда мелодия, можно ли записать ноты. Я отвечал, кивал, жал руки. Венявский стоял в стороне и улыбался — не ревниво, а по-товарищески. В этот раз никакого конфуза или недоумения из-за необычной и излишне громкой музыки ни у кого не возникло. До конца вечера я стал звездой салона Ее Высочества. В такой обстановке получить приглашения в гости стало совершенно банальной вещью. Многие захотели узнать меня поближе. Цели у них могли быть самые разные, но я перестал быть «безликим» в глазах этих людей.

В съёмную комнату я вернулся лишь к глубокой ночи, когда девушки уже спали. Убедившись, что с ними все в порядке, я быстро разделся и сам рухнул в постель. Усталость накрыла меня резко, словно ожидая этого момента где-то в уголке, и как засыпал, я уже не помню.

Утром меня разбудил стук в дверь. Не деликатный, как у Тихона, и не торопливый, как у Насти. Стучали требовательно — так стучат люди, имеющие на это право.

Сбросив сонную одурь, я накинул штаны, рубашку и кобур с револьвером, тут же проверив его, после чего пошел открывать дверь.

На пороге стоял усатый околоточный надзиратель в форменной шинели. За его спиной маячили двое городских с казёнными физиономиями людей, привыкших скучать на посту.

— Господин Винокуров? — спросил полицейский, заглядывая в бумагу, которую держал в руке. — Роман Сергеевич?

— Он самый. Чем обязан?

— Полиция. Поступило заявление. Позвольте войти?

Я посторонился. В комнату надзиратель вошёл один; городские остались в коридоре. Огляделся по-хозяйски, отметил скудную обстановку, бросил взгляд на кобур с револьвером.

— На вас поступило заявление от господина Милашина, — он зачитал, водя пальцем по строчкам: — «Удерживает подле себя дворянку Анну Скородубову, угрожая ей смертью, не давая возможности свободно распоряжаться собственной жизнью». Серьёзное обвинение, молодой человек.

Я медленно опустился на стул, пытаюсь переварить свалившуюся новость. Милашин. Удивил, так удивил! Я вспомнил вчерашнюю записку от девушек, в которой они сообщали, что встретились с ним и пошли в ресторан. Но с чего он решил, будто я удерживаю Аню силой? Да еще и в полицию побежал?

— Господин надзиратель, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это какое-то недоразумение. Анна здесь по своей воле. Как и её сестра. Да я могу хоть сейчас позвать девушек, они в соседней комнате живут, и они сами вам все подтвердят!

— Будьте любезны.

Я поднялся, но не успел сделать и двух шагов — дверь из комнаты девушек уже отворилась. На пороге стояли обе: заспанные, в домашних платьях, но с решимостью во взглядах. Видимо, слышали разговор через перегородку.

— Господин полицейский, — заговорила Настя, делая шаг вперёд, — Анна здесь по своей воле. И я тоже. Роман Сергеевич нас не удерживает.

Я видел, как полицейский мимоходом как любой мужчина бегло оценил стати дам, после чего повернулся к Ане.

— Это так? — спросил он у неё напрямую.

Аня уверенно кивнула. Потом, помолчав, добавила:

— Господин Милашин... он неправильно меня понял. Я сказала ему, что не могу быть с ним, но не успела объясниться. Это довольно сложно выразить... да и со стороны может показаться дикостью. И пока я подбирала слова, он решил, будто меня запугали.

— Что же это за причина такая? — удивился надзиратель.

Сёстры переглянулись, словно выбирая — кто из них расскажет. Пауза затянулась. Потом Аня, как старшая, к тому же из-за нее ведь в какой-то мере и произошла наша побудка, коротко выдохнула и заговорила — спокойно, словно читала по бумаге:

— Еще в детстве нам с сестрой предсказали смерть через год, если нас кто-то сфотографирует. Так уж вышло, что Анастасия попала в кадр и... В тот момент мы уже думали, будто не доживем и до двадцати лет. Но Роман предложил сходить к другой гадалке и проверить слова, сказанные нам в далеком детстве. И вот она-то и сказала, что не все так страшно. К сожалению, сделанное нам в детстве пророчество не отменить, но если мы будем рядом с Романом Сергеевичем, то это оградит нас от взора костлявой. А стоит нам удалиться, как все... пророчество сбудется, — выдохнула девушка и вздрогнула всем телом, что не утаилось от взгляда надзирателя.

Полицейский ответил не сразу. Переводил взгляд то на меня, то на девушек, то на потолок, словно ища там ответ — как ему поступить. Наконец он заговорил:

— Гадалка? — спросил он, будто до сих пор не может уместить в своей голове столь абсурдное объяснение поведению моих дам.

Да я и сам понимал, как это выглядит со стороны, особенно для людей не суеверных.

— Да.

— И вы верите? — не удержался он от вопроса.

— Да, — просто кивнула Аня.

Полицейский аж крикнул от той убежденности, что звучала в голосе девушки, и потёр ус. В его глазах читалась сложная работа мысли: с одной стороны — явная чушь, бабьи сказки. С другой — две дворянки стоят перед ним и живут, подгоняя свои поступки под эти «сказки». С третьей — заявление Милашина всё ещё зажатое у него в руке, и на него надо как-то реагировать. Я видел, что сама ситуация для полицейского была в высшей степени удивительной и необычной. Вроде как слова Милашина подтверждаются, и девушки рядом со мной находятся не по своей воле, а под страхом свершения пророчества. С другой — ведь не я то пророчество им высказал, да и верить словам какой-то гадалки или нет — дело сугубо личное.

— Прошу прощения за вторжение, — через пару минут сказал надзиратель. — Хорошего вам дня.

После этого он ушел, забрав с собой обоих городских.

— Ну, Иван Сергеевич, — с возмущением прошипела Аня. — Устроить нам такое... такое!.. — от негодования, она даже слов подобрать не могла.

— Успокойтесь и приводите себя в порядок, — поспешил я отвлечь девушек от неприятных мыслей. — Скоро завтрак, а потом я вам расскажу, как прошел визит к Ее Высочеству. Кстати, я поговорил с ней, и Елена Павловна дала добро в следующий раз навестить ее вместе с вами.

Вот эта новость стала для Насти с Аней приятной неожиданностью. Они тут же убежали к себе — наводить марафет, да подготовить свои вопросы. Чую, вместо завтрака меня ждет допрос с пристрастием от моих дам. Но это лучше, чем они будут пылать гневом к по факту беспокоящемуся за них молодому человеку.

Устим Корнеевич, околоточный надзиратель, возвращался в участок озадаченным. По всему выходило, что подавший заявление господин Милашин ошибся. Молодой юноша не удерживает двух дворянок в неволе, те ходят за ним хвостиком по собственной инициативе из-за глупых суеверий. Но с другой стороны что-то не давало полицейскому покоя.

«А мог ли этот Винокуров, зная о характере сестер, воспользоваться этим? — пришла надзирателю неожиданная мысль. — Вон они какие красавицы! А у одной из них еще и колечко помолвочное на пальце, такое же как у Винокурова, красуется. Может, они сначала ему отказали в своей благосклонности, а потом он узнал обо всей истории с этим пророчеством и договорил гадалку из местных в свою пользу его переделать? Если все так... то тогда господин Милашин абсолютно прав! Придется отписать в тот город, откуда прибыли эти дворяне, чтобы местная полиция проверила эту догадку. Вроде бы Иван Сергеевич говорил, что они из Царичина. Уточню у него все, он — лицо заинтересованное, и тогда отправлю телеграмму».

Придя к такому выводу, у полицейского даже на душе стало легче. И он уже более уверенным шагом двинулся на службу.

Чуйка меня не подвела. Когда мы собрались завтракать, девушки больше напирала на меня с расспросами, утоляя свое любопытство, вместо чувства голода. Им было интересно все — кто был на приеме у Великой княгини, о чем велись беседы, как приняли гости мое выступление, а во что были одеты местные дамы, и еще тысяча вопросов самого разного толка.

— Да я сегодня покушать смогу, или голодным останусь? — не выдержал я в какой-то момент их напора.

— Все, молчим, — тут же «сдала назад» Настя. — Только ты уж сразу не убегай от нас, как поешь. Нам столько еще узнать от тебя хочется!

Я мысленно содрогнулся. И ведь как невеста предугадала-то мое желание сбежать от них поскорее, чтобы не отвечать на все их вопросы. У меня и повод для того уважительный есть — встреча с тем капитаном второго ранга, которому я картину обещал написать.

Но временно завершив с моим «допросом», дамы вернулись к утреннему происшествию.

— Иван наверное от своего не отступится, — угрюмо сказала Аня. — Как он на меня смотрел вчера! Я тут подумала, он ведь из ревности мог так поступить. Он же мне в любви признавался, а я ему согласиен не ответила, да еще Романа упомянула.

— Повода для паники нет, — не согласилась с ней Настя. — Даже если Иван продолжить настаивать на своем, то можно просто ту цыганку найти, и она подтвердит свои слова.

— А если он мстительный? И упрямый. Вон как долго меня ждал и письма не забывал писать. Если полиция ему откажет, он может найти другой способ, чтобы добиться меня.

— Например? — не удержался я от вопроса.

— Например, напишет отцу, попросив у него Аниной руки, — подала голос Настя. — Или в губернское дворянское собрание. Обвинит тебя в совращении. Мы, конечно, подтвердим обратное, но осадок останется.

Тема мне была неприятна. К тому же все наши слова — пустое теоретизирование. Как поступит мужчина, мы могли лишь гадать, чего я не люблю.

— Ладно, — сказал я. — Бог с ним, с Милашиным. У меня сегодня дело...

— Все-таки бросаешь нас опять! — перебила меня Настя.

— Но у меня и правда дело, — растерялся я. — Вчера на приеме пообещал картину написать. Деньги-то нам нужны. К тому же, мы скорее всего задержимся в Петербурге на пару месяцев.

— Это еще почему? — удивилась Аня.

«Вот блин, а про просьбу-приказ Елены Павловны я им рассказать забыл», мысленно хлопнул я себя по лбу. И принялся срочно исправлять свою промашку. Попутно напомнил, что в свой новый, довольно скорый, визит в Михайловский дворец они поедут со мной. А потому было бы неплохо им приобрести новые платья для этого, по местной моде. Ну а мне нужно заработать. Да-да, на те самые платья и нашу дальнейшую жизнь. И потому надо уйти. Так и удалось избежать их дальнейшего допроса.

К полудню я вышел из дома. Милашин, гадалка, околоточный надзиратель — всё это пока отодвинулось на задний план: впереди ждала встреча, которую я пообещал ещё вчера, в салоне, под гул голосов и звон бокалов.

Капитан второго ранга Фёдор Алексеевич Филатов жил на Васильевском острове, в казённой квартире при Адмиралтействе. Я нашёл его по адресу без труда: двухэтажный дом с облупившейся штукатуркой, у подъезда — матрос, который смотрел на прохожих со скукой человека, отстоявшего не одну вахту на берегу.

— К капитану Филатову, — сказал я, назвавшись.

Матрос скрылся за дверью, через минуту вернулся и кивком велел подниматься.

Фёдор Алексеевич встретил меня в сюртуке нараспашку, без эполет. Роста он был среднего, сложения сухого, с залысинами надо лбом и цепкими светлыми глазами. Руку пожал мне коротко, но крепко.

— Роман Сергеевич, — сказал он вместо приветствия. — А я уж думал, не придёте. После таких вечеров, как вчерашний, многие обещают и забывают. А уж сколько внимания вы вчера получили!

— Я не забываю, — ответил я. — Тем более что ваш заказ меня заинтересовал своей необычностью. Редко меня просят написать конкретный боевой корабль. Точнее — в первый раз.

Он усмехнулся в усы.

— Не здесь. Пойдёмте.

Шли мы пешком. Он двигался быстро, не оборачиваясь, я еле поспевал следом. Миновали таможенную в порту, свернули к причалам. В нос ударил запах смолы, водорослей и сырого дерева. Чайки орали над головой.

— «Прохор», — сказал капитан, останавливаясь у края пирса и указывая на трёхмачтовый фрегат, чёрный корпус которого отражался в свинцовой воде. — Восемьдесят четыре орудия. Водоизмещение — три с половиной тысячи тонн. Спущен на воду в 1851-м году и с тех пор отдан мне под командование.

Я восхищенно посмотрел на корабль. Вот это машина! Мощь, как описана во вчерашней песне. Фрегат по праву можно было называть одним из «покорителей морей».

— Хочу, чтобы вы запечатлели его именно таким, — продолжал Фёдор Алексеевич. — Не парадным, как на адмиралтейских гравюрах, а живым. Чтобы чувствовался ход, ветер. Чтобы тот, кто увидит картину, понял: этот корабль идёт, а не стоит у стенки.

— Портрет в движении, — покивал я. — Сложная задача.

— Справитесь? — с любопытством во взгляде спросил меня офицер.

Я же смотрел на корабль и понимал — просто не будет. Вот только..., а сколько же времени у меня займет работа над этой картиной?

Глава 2

10 — 11 декабря 1859 года

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

Вернулся я в съёмную комнату уже ближе к вечеру. За работу над картиной для Филатова я взялся, но довольно много времени ушло на согласование цены и сроков. Так как за обычные портреты в столице я уже брал по двести рублей серебром, то за полотно Федору Алексеевичу не хотел брать ниже этой суммы. Наоборот, сил и времени у меня уйдет в разы больше, поэтому изначально заявил офицеру, что готов написать картину за пятьсот рублей. Тот уже хотел согласиться, когда я уточнил, что это не ассигнациями. Вот тогда и начался торг. В итоге сговорились на четырех ста рублях. Но затем Федор Алексеевич стал давить, чтобы я выдал ему полотно уже на этой неделе. Вот только... до конца недели-то осталось три дня, если считать текущие сутки! А мне ведь придется не в теплой комнате работать, а на улице. А если снег густой пойдет? Или туман-поземка поднимется, и корабль не станет видно? Пришлось снова спорить и убеждать офицера подождать. И как я понял под конец, Филатов просто «отыгрался» на мне за то, что я такую цену ему загнул. Вот и потрепал мне нервы.

Сняв пальто, я повесил его на спинку стула и зажёл свечу. За окном гудел ветер с Невы — обычный петербургский ветер, к которому я начал привыкать только теперь, прожив уже несколько дней в столице. В голове был сумбур. Набрать себе работы, я набрал — а вот когда ее делать? Без хотя бы примерного плана своего распорядка дня я могу профукать сроки или что-то упустить. Но этим планом я завтра займусь, а пока еще свежи впечатления от вида фрегата, постараюсь перенести свои мысли на бумагу. Первое впечатление очень важно, потом его уже не будет. А мне хотелось передать именно то чувство мощи и уверенности, что я испытал, только взглянув на корабль.

Сев к столу, я достал из ящика лист бумаги, карандаш и стал писать. Текст получался сумбурным, переполненный эмоциями, но именно это мне и нужно. Чтобы потом, когда наступит момент притупления чувств, прочитать его и вспомнить это мгновение. А этот миг наступит — так всегда бывает, когда долго работаешь над одним и тем же — и не важно, механическая это работа, или творческая. Перенеся свои эмоции, я посмотрел на часы. Времени до ужина оставалось еще прилично. Пожалуй, тогда не буду переносить создание своего распорядка дня на завтра

— Роман, ты уже вернулся? — зашла вдруг в мою комнату Настя. — А мы тоже уже пробежались по бутикам и лавкам. Присмотрели себе несколько нарядов, но хочется чего-то особенного. Как тогда получилось с теми платьями, что ты для нас придумал. Может, ты завтра с нами сходишь, посмотришь на местную моду и новый фасон нарисуешь? А мы с Аней твои эскизы портному отнесем. Хочется удивить Ее Высочество.

— Платья шьются не быстро, — заметил я. — «Мои» фасоны были простыми в изготовлении, и у Маргариты Игоревны машинка стоит, которая ускоряет ее работу. А если у портного, к которому вы обратитесь, такой машинки не будет? И платья-то наверное вы смотрели многослойные, с разными рюшечками — так? — усмехнулся.

Настя смутилась.

— Думаешь, Ее Высочество нас раньше примет? — спросила Аня, перехватывая нить разговора.

— Все может быть. Сомневаюсь, что нам придется ждать недели три до новой встречи. А платье ведь столько могут шить.

Переглянувшись с сестрой, Аня уверенно заявила:

— Мы что-нибудь придумаем. Но ты же все-таки сходишь завтра с нами?

— Схожу, — кивнул я обреченно.

Вот и еще одно обещание дано. Девушки, получив его, тут же ушли к себе в комнату, а я вернулся к листку, на котором собирался написать свой распорядок. С другой стороны — если буду лишь делам уделять свое внимание, так и свихнуться недолго. Надо воспринимать эти походы проще, как отдых. Да и просто прогуляться под ручку с красивыми девушками приятно.

Итак — распорядок. Но сначала — как должна выглядеть картина для Филатова. Фрегат «Прохор» в движении. Не просто корабль на рейде, не парадный портрет с выстроенной командой — а ход под парусами, крен на волне, работа экипажа. Филатову нужно, чтобы зритель почувствовал ветер. Я его понимал: моряк заказывает не картинку, а память о службе.

Проведя черту на листе, я стал набрасывать концепт — что необходимо продумать перед началом работы. Первое — ракурс, свет и композиция. Необходимо определиться: с берега писать или с воды. Если с воды — нужна шлюпка и тихая погода. Если с берега — найти точку на пирсе, откуда виден фрегат целиком. Второе — фон. Использовать воды у берега Невы, или отбросить все лишнее и оставить лишь фрегат, вокруг которого раскинулось море. К тому же — стоит ли добавлять ему врагов? Хотя бы как точки на горизонте? Пока никакой определенности не было, как и четкой картинке в голове, поэтому я перешел ко второму пункту неожиданно набранных себе обязательств.

Реформа. Великая княгиня дала месяц, максимум — два, и срок уже пошёл. Я понимал, что здесь начинать нужно не с общей идеи, которую мы с тем же князем Черкасским уже обсудили, а с цифр. Сколько дворов в губернии, сколько десятин земли, сколько тягловых душ. Без этого любой план повиснет в воздухе — красивые слова без опоры, которыми и является на данный момент моя идея. Самарин наверняка скажет то же самое, когда я к нему приду. Значит, завтра же надо ехать в статистический комитет. И для начала узнать — существует ли сейчас такой? Нужен ли мне пропуск и к кому идти за его получением, если нужен? Тоже делаем пометки и пока оставляем. Без данных двигаться дальше и планировать ход своей работы я физически не могу.

Третье мое обязательство — Анастасия и Анна. Во всей этой кутерьме я стал уделять им мало времени. И до этого слишком много не гулял с ними, только в пути мы были рядом почти двадцать четыре на семь. А ранее, в Царицыне, я бывал у девушек наездами. И невольно перенес то свое отношение на текущую ситуацию. У них — свои дела, у меня — свои. Вот только Петербург — не Царицын. У них здесь ни знакомых нет, ни дела, которым они могли бы заняться. О чем мне дамы и напомнили. К тому же я обещал быть с ними у Елены Павловны в следующий раз. В общем тоже нужно при планировании выделять время для нашего общения. Хах! Уже не могу просто поговорить с любимой в свободную минутку — «любовь по расписанию». Сюр, но иначе или мы отдалимся, или я ничего не успею.

— Вроде ничего не забыл? — почесал я затылок. — Точно! Еще же портрет Генрику обещал. Черт, надо бы с ним поговорить, когда нам встретиться.

Хотя Венявский не из скромных людей, вполне способен ко мне сам неожиданно заявиться.

Так с делами определились, пора подумать, когда их выполнять. Утром лучше работать над реформой. Пока голова свежая, да и нет смысла на тот же пирс идти рано — замерзну, и свет может бить в глаза. Днем уже есть смысл отдыхать от бумажной работы и заниматься как раз творчеством. Картиной для Филатова или портретом Венявского — тут можно варьировать. Сначала картиной займусь, а как с Генриком встретимся, то уже обсудим сроки по портрету. А вот вечера самое то посвятить моим девушкам: музыка, поход по лавкам, посещение той же Елены Павловны. Высший свет по утрам отсыпается до полудня, так что нет и смысла поход к Великой княгине планировать на первую половину дня. Спать лучше ложиться как и прежде в поместье делал — не позже полуночи, иначе через неделю свалюсь.

Я посмотрел на лист. Вроде все выглядело разумно. При необходимости дела в распорядке можно менять местами, главное — не забывать проходиться по всем пунктам. Тем более я уже не раз убеждался, что жизнь любой план скорректирует — всегда корректирует. Но совсем без распорядка нельзя. Вон, уже положился на «авось» и плыл по течению, и куда меня это завело? Хаос в делах сейчас был недопустим, потому что профукаю такой шикарный шанс выбиться наверх, который далеко не каждому дается.

Отложив карандаш, я посмотрел в окно. Где-то на реке прогудел пароход — низкий, долгий гудок. За стеной шебуршались девушки, о чем-то переговариваясь. И я впервые за последние дни почувствовал, что вновь стал управлять своей жизнью.

Дубовка. Усадьба Зубовых

Сергей Александрович прибыл в Дубовку к полудню. Дорога от имения заняла четыре часа — утро выдалось теплым и дорогу развезло, из-за чего Митрофану приходилось дважды помогать лошади вытягивать тарантас из колеи. Сергей Александрович его не торопил: хотелось обдумать, что написать сыну, чтобы все уместилось в пару строк. Все же телеграмма — это не письмо. Слишком много таким образом не передашь.

В Дубовке он направился прямо к дому Зубовых. Сестра Софья встретила его на крыльце — раскрасневшаяся, с листом бумаги в руке, явно оторванная от дел. Владимира не было — еще не вернулся со службы.

— Сергей, как я рада тебя видеть! — проводив мужчину в зал, Софья приказала подать чай и тут же надела на брата с расспросами. — Какими судьбами? Что-то случилось? Или ты начатые Романом дела хочешь обсудить?

— Телеграмму нужно отправить, — сказал он, принимая кружку с чаем у служанки и неторопливо отхлебнув из нее. — Как раз Роману.

— Что-то срочное? — встревожилась женщина.

— Да ситуация неприятная образовалась, — вздохнул Сергей Александрович. — Роман доверился Николаю Лисову, идею о каком-то двигателе ему рассказал, чтобы тот над ней поработал. Сама же знаешь, Роман у меня на выдумки горазд, а вот технического образования ему не хватает, — усмехнулся мужчина и получил согласный кивок от сестры. — А этот Николай по глупости и доверчивости своей пошел к Дубову искать помощи. Ну а Алексей Юрьевич посчитал, что может отмахнуться от двух юношей и идею себе присвоить. Там запутанная история, но если я правильно понял записку от этого Николая, уже его отец решил присвоить себе идею Романа. Вот — нужно предупредить его, что Лисовы привилегию на тот двигатель оформлять собираются. Пусть знает, что происходит вокруг его идей.

Софья нахмурилась.

— Не ожидала такого от Алексея Юрьевича. Вроде бы честный человек, в воровстве раньше не был замечен.

— Да я и сам не ожидал, — развел руками помещик. — Но видать, куш уж больно велик, раз так все закрутилось. Не хотелось бы упустить его. И как я Роману в глаза буду смотреть, когда он вернется, что знал — и ничего не сделал. Ну и просто хочется узнать, как у него дела там идут. А то до сих пор ни одной весточки не отправил.

— А куда ты тогда телеграмму отправлять вздумал? — удивилась Софья Александровна.

— Так на имя Николая Карловича, к нему на службу. Он же Романа с собой увез, должен быть в курсе, что с ним. У вас-то как дела идут?

Настроение женщины еще сильнее испортилось, что не укрылось от взгляда Винокурова.

— Антон был здесь, — глухо сказала она. — Женился.

Мужчина еле сдержал удивленный взглас.

— И ты не сказала нам? И не позвала на его свадьбу?

— Не хотела я той свадьбы. Да и сам Антон этому не рад.

— А как оно так скоро все случилось-то? Даже без помолвки... Темнишь ты, сестрица, — покачал головой Сергей Александрович.

Зубова ответила не сразу. Тема была ей неприятна, от нее у женщины было чувство гадливости, но и таить что-то от родного брата она не стала. Собравшись с духом, рассказала все в подробностях. В том числе и о размолвке между Романом и Антоном и последующем примирении упомянула.

— Ох, женщины, — только и вздохнул горестно после рассказа помещик. — И без вас нам жить нельзя, и с вами — та еще морока.

— Скажи еще, что не рад, что когда-то женился, — фыркнула насмешливо Софья.

— Да это я так, — махнул рукой Сергей Александрович. Потом помолчал и спросил: — И как тебе эта Дарья?

Софья поджала губы недовольно. Помолчала, подбирая слова, но все же ответила:

— Себе на уме. Цинична и эгоизма в ней хватает. Я ж ее раньше жалела, когда она за Юрием Семеновичем женой была. А сейчас думаю — это ее брак неудачный испортил, или она всегда такой была? Еще и эти споры с Воробьевым из-за ее приданого... Беда одна, а не невестка.

— А в другом как дела? — решил перевести тему мужчина, чтобы не расстраивать сестру лишней раз неприятными разговорами. — Как твой театр?

— Вот в него я с головой и ушла сейчас, — с готовностью поддержала смену темы Софья Александровна. — Готовим рождественскую постановку. Костюмы, декорации, текст ещё не утверждён. И теребят меня уже — когда новая премьера, — усмехнулась женщина. Но было видно — ей такой интерес публики по нраву.

Еще поговорив с полчаса, Сергей Александрович допил чай и поднялся.

— Телеграф-то работает? Дам весточку и обратно поеду.

— Работает. Но ты уверен, что тому адмиралу передадут твою телеграмму для Романа? Да и что он ее не выбросит?

— Передать они обязаны, — заметил Винокуров. — И с чего вдруг Николаю Карловичу выбрасывать телеграмму Романа? Чай, это он его в столицу потащил. Значит, Роман ему нужен. Не захочет портить с ним отношения, когда вскрыется, что он так поступил.

— Дай бог, чтобы так и было, — покивала Софья.

Она проводила брата до дверей. На прощанье Сергей Александрович напомнил, что семнадцатого числа у Елены день рождения и чету Зубовых будут ждать в гости.

— Дарья пусть тоже приходит. Надо знакомиться, раз родней стали, — добавил помещик.

— Передам, — сказала Софья. — Но за ее поведение я не отвечаю. Если у вас что-то устроить решит — так и знай, что я просто умою руки.

Сергей Александрович усмехнулся и вышел на улицу. Воздух был колким, снег скрипел под сапогами. До почтовой станции, где располагался телеграф, Митрофан домчал быстро. В помещении станции пахло клеем и сургучом, а перед окном телеграфиста уже образовалась небольшая очередь. Пусть услуга и была платной, но удобство связи давно уже оценили не только дворяне, но в первую очередь — купцы и чиновники. Дождавшись, когда подойдет его черед, Сергей Александрович продиктовал текст: коротко, без подробностей, только суть. «Лисов желает присвоить твою идею. Будь осторожен. Надеюсь, ты добрался без происшествий. Отец».

Телеграфист переспросил адресата. Сергей Александрович повторил: «Контр-адмирал Краббе, Адмиралтейство, Петербург».

Ну вот и все. Выйдя на крыльцо, мужчина постоял немного, переживая — поймет ли Роман его послание? Сможет ли что-то сделать, находясь в столице? Солнце уже клонилось к закату, тени стали длинными и синими. Отогнав дурные мысли, помещик сел в тарантас и крикнул Митрофану:

— Трогай! Возвращаемся.

Царицын. Дом Михайловых

Идея послать через Арину ее любовнику утром сообщение сработала безотказно. Сенька не подвел и сумел точно определить, кто скрывался под маской незнакомца и встречается с дочерью Бориса Романовича. Кулаков.

Сейчас Борис Романович сидел в своем кабинете и думал — как быть дальше? Раскрыть его имя Арине? Чтобы поняла — успеха в соблазнении мужчины, чтобы он потом на ней женился, она не добьется. Да и не пара он ей. Это пусть более худородные дворяне с купцами роднятся, а Михайлов свою кровь разбавлять не хотел. Прижать Александра Ивановича, чтобы прервать эту связь? А толку? Дочка опять начнет мучаться и найдет себе другого любовника. Как бы и не похуже нынешнего.

Мужчина встал и подошёл к окну. Во дворе слуга сгребал снег — размеренно, без спешки. Борис Романович смотрел на него и думал, что спешить и правда некуда. Нужно встретиться с Кулаковым. Без угроз, без истерик — просто поговорить. Выяснить, чего ищет сам купец в этой связи. Только похоть свою тешит, или желает к Михайловым подобраться? И уже после этого можно делать какие-то выводы, как быть дальше. Если кроме похоти у Кулакова интереса к Арине нет, то и пусть пока. Сама тогда поймет, что любви здесь не найдет — будет ей уроком на будущее. Ну а если Александр Иванович решил какую интригу закрутить за спиной Михайлова... тем хуже для него.

Борис Романович вернулся к столу, достал чистый лист и принялся писать: «Милостивый сударь Александр Иванович. Хочу оказать вам честь и пригласить к себе в дом в ближайшее время для обсуждения одного деликатного дела. Уверен, вы догадываетесь, какого». Подписавшись, мужчина тщательно запечатал послание в конверт, чтобы сразу было понятно — вскрывался ли он или нет, и кликнул слугу.

— Отнеси это купцу Кулакову, — вручил Михайлов слуге письмо в руки. — Отдашь лично в руки. Запомнил? Но постарайся сделать так, чтобы его сродственники тебя не видели. Можешь мальчишку какого глазастого кликнуть и через него купца на улицу вызвать, или еще чего.

— Все сделаю, ваше благородие, — почтительно поклонился слуга и поспешил покинуть кабинет Бориса Романовича.

Оставшись один, Михайлов еще раз прокрутил в голове — правильно ли он решил действовать «в лоб»?

— Да, иначе нельзя. К такому повороту он точно не готов.

Петербург. Доходный дом, где остановился Роман

Утром я проснулся в приподнятом настроении. Даже когда выглянул в окно, оно не испортилось, хотя в городе небо было затянуто серыми тучами, из которых сыпала мелкая снежная крупа и секла по стеклу. Вчерашнее решение начинать день с работы над заданием Великой княгини было абсолютно верным. В такую погоду рисовать что-то не получится, только здоровье портить. А вот мои дамы еще спали. Я умылся ледяной водой, что стало уже привычным занятием, сделал разминку, потренировался с револьвером и бодрый сел за стол.

Еще вчера решил, что мне нужны статистические данные, но какие именно? Что мне искать? Вот это и решил записать, прежде чем испрашивать совета у того же Юрия Федоровича — в какое заведение мне за этими данными обращаться нужно.

Итак, мне нужны сведения не обо всей стране, а лишь по одной губернии — Саратовской. Что я о ней знаю? Пожив в этом времени и пообщавшись с другими дворянами, кое-что отложилось в моей памяти. Чернозём на севере, степь на юге, Волга разрезает губернию почти пополам. Помещичьи хозяйства в основном средние, крупных латифундий немного. Крестьянство смешанное — оброчное и барщинное, в зависимости от уезда, государственные тоже есть, но их количество мне неизвестно — добавляем строку.

Итого после получаса работы и напряжения мозгов у меня вышло следующее:

Узнать число помещичьих имений по уездам с указанием числа крестьянских душ мужского пола. Насколько помню из разговоров с отцом, именно по ним считается количество крестьян в целом, оставляя за скобками женщин, детей и стариков. Это — чтобы оценить общий масштаб, на кого повлияет реформа.

Второе: количество земли в десятинах — пахотной, луговой, лесной, неудобной. Тоже очень узкий момент. Вот как получилось в разговоре с папой, когда я ему рассказал, где хочу дома для крестьян ставить. Он ведь тогда хмурился, что я пахотные земли собираюсь под это дело отдать. Понятно, что не все, но даже несколько пядей такой земли ему было жалко. И это

еще он у меня не крохобор, другие помещики на дыбы встанут, если предприятия размещать на пахотной земле, учитывая лишь удобство логистики для строящихся заводов.

Третье: распределение повинностей — где барщина, где оброк, в каких размерах. Уверен, помещики, у которых крестьяне оброк платят, охотнее мои предложения воспримут, чем те — кто барщиной долг взимает.

Четвёртое: средний размер надела на душу в каждом уезде. От этого зависит, сколько земли в соответствии с реформой казна будет у помещиков выкупать и передавать во владение крестьянам.

Пятое: собственно цена на землю за десятину по последним купчим записям.

Остановился, прикидывая — все ли учел. Но подумав, добавил и шестой пункт: сведения о крестьянских промыслах. Отходничество, извоз, плотницкие артели — всё, что даёт крестьянину доход помимо земли. Без этого нельзя рассчитать выкупные платежи. Да и на экономику региона эти работы влияют, пусть со стороны и незаметны.

— Пу-пу-пу... — протянул я, откинувшись на спинку стула.

Пунктов вроде бы совсем ничего, но сколько за этими словами стоит работы! Да, я понимаю, что часть данных уже собрана должна быть, ведь как-то министерства собирают те же налоги? Только их найти надо и взять. Причем интернета сейчас не существует, компьютеров тоже, и считать многое придется буквально вручную, сводя разные ведомости воедино. А ведь может так случиться, что часть сведений не существует, или они меня не устроят в том виде, которые мне дадут. И тогда добывать данные придется самому — писать в губернское правление, опрашивать земских голов, причем неизвестно как это лучше сделать на расстоянии, поднимать архивы. Но сейчас я хотя бы представляю, от чего отталкиваться.

— Роман, ты уже встал? — сонно потирая кулачком лицо, вышла из спальни Настя. — О, уже в работе? — увидела она записи на столе. — Уже сделал эскизы для наших платьев?

— Э-э-э... чуть позже. Давай, после завтрака.

— Сначала надо в магазины сходить, чтобы Роман понял, что мы хотим, — напомнила Аня, подтянувшись на наш разговор. — Но согласна — в первую очередь стоит поесть.

На этом мы пока и остановились.

Глава 3

11 декабря 1859 года

Петербург. Адмиралтейство

Свежую почту принесли в начале десятого. Николай Карлович как раз просматривал вчерашние депеши, на которые не хватило времени — сводки о движении судов, рапорты из Кронштадта, прошение от подрядчика о пересмотре сметы на ремонт пакетбота. В куче писем, докладов и телеграмм его привлекло одно сообщение. Пробежав его глазами, адмирал раздражённо хмыкнул.

«Лисов желает присвоить твою идею. Будь осторожен. Надеюсь, ты добрался без происшествий. Отец».

Имя получателя — Роман Винокуров. Отправитель — Сергей Александрович Винокуров, Царицынский уезд.

Краббе перевернул бланк, будто на обороте могло найтись что-то ещё. Но конечно ничего не нашлось. Он отложил телеграмму на край стола и поджал губы.

Вот, значит, как. Мальчишка не удосужился сообщить родным, что жив, здоров и добрался, и теперь его отец шлёт весточки в Адмиралтейство — видимо, полагая, что уж здесь-то о сыне должны знать всё. Что ж, полагал он верно. Но сам факт, что Роман почти за неделю пребывания в столице не нашёл времени черкнуть отцу и пары строк, Николая Карловича задел. Он сам отписывал родным из каждого порта, где стоянка превышала сутки, даже с Каспия, даже когда был молод и горяч. Семья — не обуза, а тут такое пренебрежение. Неужто у Романа всю сознательность отшибло из-за встречи с высшим светом столицы?

Краббе кликнул вестового.

— Доставить Винокурову. Знаешь, где он остановился?

— В доходном доме у Вознесенского моста, ваше превосходительство.

— Тогда ступай. И скажи ему, что Адмиралтейство не почтamt.

Вестовой вытянулся и вышел. Проводив его взглядом, Николай Карлович вернулся к сводкам.

Царицын. Полицейское управление

Терентий Павлович Шаповалов был в приятном предвкушении с самого утра. Сегодня суббота, последний рабочий день на этой неделе и уже вечером можно зайти к кому-нибудь в гости и приятно провести время. Или сходить в ресторан с Мариной Евгеньевной. Эта дама в среду давала непрозрачные намеки, что не против сходить на свидание с Терентием Павловичем, а может быть и больше ему позволит потом. И от того телеграмма из Петербурга не вызвала у полицмейстера никаких хороших ассоциаций. Никогда из столицы еще ничего хорошего не приходило. То какой-то новый указ, который необходимо срочно ввести в работу, то запрос на выдачу сведений из архивов многогодичной давности, или даже выговор мог прилететь. Хотя последнее столичные чиновники поручали делать губернским властям. Да и вообще редко вникали в работу уездной полиции. Однако на этот раз все было по-другому.

Прочитав телеграмму в первый раз, Шаповалов не поверил своим глазам и прочёл снова. Бланк лежал на столе, и от него неприятно тянуло казённым — служебный запрос, подпись, всё как полагается.

Околоточный надзиратель Устим Корнеевич извещал: в Санкт-Петербурге возникли подозрения касательно дворянина Романа Сергеевича Винокурова. А именно — не удерживает ли он возле себя двух девиц Скородубовых обманом, сыграв на их суеверном страхе смерти. Цыганка якобы нагадала барышням погибель, ежели те покинут Винокурова, и теперь надзиратель просил царицынского полицмейстера допросить ту цыганку и уведомить его о результатах.

Шаповалов вытер платком лоб. Шея под воротником стала влажной.

Винокуров. Тот самый юноша, у которого был конфликт с самим главой царицынского дворянства Михайловым и при этом вышел из него победителем! Тот самый, что посмел перечить самому контр-адмиралу, заступаясь за отца упомянутых девушек — Петра Скородубова. Тот самый, что теперь сам помолвлен на одной из его дочерей. И которого недавно лично увёз в столицу контр-адмирал Краббе, после его блистательного выступления перед офицерами города.

И вот — цыганка. Гадание. Страх смерти. Удерживание обманом.

Полицмейстер покрутил головой. Да, юноша безусловно умен и хитер, а еще — скользкий, что угорь. И ему бы хватило смекалки, чтобы всё это придумать. А главное — наглости, чтобы во всё это ввязаться. Но сейчас не в этом дело.

Что делать с телеграммой? Скородубов-старший вернулся из своего похода и сидит дома. И как слышал Терентий Павлович, он был крайне недоволен, что Роман увёз обеих его дочерей с собой. Если же ему сообщить о запросе из столицы... Шаповалов поморщился. Может ведь психануть и сам сорваться в Петербург. Чем это закончится, один бог ведает. А самого Шапо-

валова может настичь недовольство столичных чиновников за то, что сведения следствия стали известны третьим лицам. Но Царицын — город маленький, утаить что-то здесь сложно. Особенно когда дело касается цыган. А если подозрения столичного надзирателя подтвердятся? Скандал на всю округу будет. На самого Терентия станут косо смотреть — как он так плохо за цыганами следит? И еще немаловажно, что сейчас-то Винокуров явно какие-то дела с Михайловым ведет.

— А может он и его... того... застрашал? — пришла в голову Шаповалова неожиданная мысль. — Коли так, то...

Молодой и дерзкий юноша держит в страхе дворянство уезда! А сейчас перебрался в столицу и может пойти тем же путем уже там. Раскрыть такое дело, и можно будет даже надеяться на то-то большее, чем простое благодарственное письмо.

— Надо обязательно все проверить! Самым тщательным образом, — пробормотал полицмейстер себе под нос и потянулся за чернильницей. — Сначала цыганку найдём и допросим. Со всем тщанием! — чуть подумал и добавил себе под нос. — Но так, чтобы она не поняла, какой именно у нас интерес имеется.

Он вызвал участкового пристава — молодого, расторопного, не болтливого.

— Слушай задачу, — сказал Шаповалов. — Есть тут одна баба, гадалка. Где — выяснишь. Опросишь тихо, без огласки. Вопросы у тебя будут такие: кому гадала в последние месяцы, что предсказывала, а главное — не было ли каких особых уговоров со стороны третьих лиц. Особо меня интересует, гадала ли она барышням Скородубовым. И если да — кто её навёл. Только ты так разговор води, чтобы она не поняла, что нам про тех барышень особенно интересно. Понял?

— Так точно, — кивнул пристав.

— И ещё. Если цыганка вдруг начнёт путаться в показаниях или вовсе заартачится — не жми, доложишь мне. Я сам решу.

Дело деликатное. Если решат, будто полицмейстер показания силой выбил, то получится, что он не опасного преступника, хитрована, раскинувшего свои паучьи сети, на чистую воду вывел, а честного дворянина пытается зачем-то в грязи утопить. За такое и с поста снять могут.

Пристав ушёл, а Шаповалов откинулся на спинку стула и побарабанил пальцами по столу.

«Ох, Роман Сергеевич, кто же вы такой? Жертва навета, или и правда — начинающий беспринципный интриган, способный пойти на самые мерзкие поступки?»

Петербург. Торговые ряды

По магазинам мы отправились сразу после завтрака. Я перед этим отправил сообщение в Михайловский дворец Юрию Федоровичу — сможет ли он со мной сегодня поговорить, или мне ждать нашей встречи в другое время.

Лавки, которые выбрали девушки, тянулись вдоль Невского проспекта — четыре заведения, одно другого дороже. Несмотря на то, что мы вышли после завтрака, уже к полудню успели обойти их все. Анна и Анастасия меряли наряды, перешёптывались с модистками, щупали ткани — атлас, бархат, тафту — а я стоял у окна и смотрел на улицу.

За два часа я узнал о местной моде больше, чем за все предыдущее проведенное в новой жизни время. И это даже несмотря на то, что раньше я имел касательства к созданию платьев. Да и на дамах не раз их видел. Но одно дело — видеть уже «готовый результат», и совсем иное — знать название тканей, их специфические термины, как сами барышни смотрят на платье и что в них ценят.

Что сказать о текущих тенденциях в моде? Здесь носят кринолин — умеренный, не такой широкий, как в прежние годы, но всё ещё заметный. Лиф облегает тело плотно, плечи покаты, рукава — широкие в районе плеч. Ворот чаще глухой либо с небольшим вырезом, отделанный

кружевом. Цвета — глубокие: винный, тёмно-синий, изумрудный. Для выезда — светлое, но не белое, а скорее молочное или серовато-голубое. Это если обобщить.

Настя остановилась у платья из зелёного бархата, долго гладила ткань ладонью и наконец обернулась ко мне:

— Вот. Хочу похуже, но с другим воротом. Таким, знаешь, — она провела пальцами по шее, — чтобы овал был и побольше, а не под горло. И чтобы кружево не по всему краю, а только по низу лифа.

Я кивнул и мысленно хмыкнул, доставая блокнот. Изначально думал, что меня как и раньше просто попросят изобразить «что-нибудь эдакое». Но видимо дамы решили взять процесс в свои руки. И открытое декольте в прошлом платье Насте понравилось. Еще бы! Столько внимания оно привлекает у мужчин.

Тем временем я быстро набросал силуэт, поглядывая на указанное платье — высокую талию, рукав-фонарик у плеча, юбку мягкими складками. Ворот — овальный, открывающий шею до ложбинки груди. Отделка — узкая полоска кружева по вороту и подолу, без рюшей.

Аня заглянула через моё плечо и тут же потребовала свой вариант. Ей хотелось синее — цвета ночного неба — и чтобы спина была чуть более открыта, но прикрыта полупрозрачной вставкой. Я перевернул страницу и сделал второй набросок. Платье вышло строже: линия плеч прямая, рукав узкий до локтя и дальше — лёгкий клёш, талия подчёркнута поясом без пряжки. Спинка — овальный вырез до середины лопаток, затянутый тёмно-синим газом в цвет основного полотна.

— Прекрасно получилось, — выдохнула Аня, рассматривая рисунок. — Надеюсь, в жизни оно будет не хуже.

— Считаешь, портной не справится? — усмехнулся я.

— Да как-то непонятно. Эти твои эскизы не только красивые, но и очень приблизительные. У меня фигура-то немножко другая, вдруг на мне смотреться хуже будет?

Успокоив ее, что девушка красива в любом платье, мы продолжили свою прогулку, закончившуюся как раз к полудню.

Когда мы вышли на улицу, снежная крупа почти прекратилась. Ветер разогнал тучи ровно настолько, чтобы небо стало похоже на размытую акварель — серое, но уже не мрачное. С Невского дул холодный сквозняк, и Настя, поёжившись, взяла меня под руку. С другой стороны к плечу пристроилась Аня.

— Ты теперь в Михайловский? — спросила Настя.

— Сначала домой — надо узнать, был ответ от Юрия Федоровича, или еще нет.

— Нас возьмешь?

— А как же выход в новых платьях? — усмехнулся я, чем смутил своих дам.

— Да, ты прав. Тогда мы дома останемся, — Аня качнула головой. — Устали. И адреса портных у нас есть. Ты свои эскизы оставь, если поедешь, дальше мы уже сами с ними разберемся.

По приезду в доходник меня уже ждал ответ от Самарина. Его вручил мне домовник на входе, почтительно поклонившись. Видимо произвело на него впечатление, откуда мне доставили записку. Юрий Федорович готов был со мной встретиться, и сразу после обеда я отправился во дворец.

Петербург. Михайловский дворец

Юрий Федорович Самарин принял меня в небольшом кабинете с окнами на площадь. Дворец был пропитан тем особым запахом, какой бывает только в старых казённых зданиях — смесью книжной пыли, сырой штукатурки и угольного дымка из множества печей. Мужчина сидел за столом, заваленным бумагами, и при моём появлении лишь поднял голову.

— А, Роман Сергеевич. Проходите. Как продвигается ваше дело? Вы же по этому вопросу хотели со мной встретиться?

Я сел напротив и разложил на столе вчерашний лист с перечнем нужных данных.

— Все верно, Юрий Федорович. Но для начала работы, как вы понимаете, мне нужны цифры. Вот, я подготовил список, что именно мне требуется.

Самарин пробежал глазами по пунктам. Читал он быстро, но внимательно; губы шевелились беззвучно, перебирая слова. Дочитав, он отложил лист и посмотрел на меня, огладив свою бороду.

— Вы составили список с толком, это похвально. Но ответ вас, вероятно, огорчит. Единственного статистического комитета, где всё это можно было бы взять разом, не существует. Данные разбросаны.

— Я ожидал худшего, что придется и вовсе писать в губернию запрос, чтобы они начали их составление с нуля, — ответил я. — Куда идти?

— Первое — Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел. Он учреждён два года назад и кое-что уже собрал. Сведения о количестве дворов, о землях по угодьям, о посевах. Но губернские отчёты у них пока неравномерны. По Саратовской губернии может быть густо, а может и пусто — как повезёт. Адрес: у Фонтанки, в доме министерства. Пропуск выпишут на месте, если предъявите бумагу от Елены Павловны — ссылайтесь на поручение.

— И где мне ту бумагу взять? — вскинул я бровь.

На что Юрий Федорович полез в свой стол, открыв один из ящиков.

— Простите, запямятовал, — с этими словами он передал мне гербовый листок с императорским вензелем.

На нем писалось, что Роман Сергеевич Винокуров является порученцем Ее Императорского Высочества Великой княгини Елены Павловны по делам государственной крестьянской реформы. В связи с чем имеет право запрашивать помощь у профильных министерств.

— Хорошо, запомнил, — кивнул я, аккуратно свернув пергамент в трубочку. — Комитет — это первое учреждение, но вы упоминали, что есть еще.

— Губернский статистический комитет в Саратове, — сказал Самарин. — То, чего нет здесь, скорее всего есть там. Но без поездки не обойтись — запрос по почте пойдёт месяц, и ответа может не быть вовсе. Если решитесь ехать, дам сопроводительное письмо к тамошнему секретарю.

— А есть ли сведения по земельным ценам?

— Тут сложнее. Губернские правления фиксируют купчие записи, но сводных данных не публикуют. Лучший путь — обратиться к частным землемерам или нотариусам. В Саратове их пяток наберётся. Ещё можно поднять «Губернские ведомости», там печатают объявления о продажах имений — по ним, хоть и кропотливо, можно вывести средние цены.

— Архивы? — спросил я, начиная делать пометки.

Информации Юрий Федорович вывалил на меня много, могу потом что-то упустить.

— Архивы — это Межевое управление. Там данные по десятинам и угодьям, но доступ ограничен. Если Великая княгиня подтвердит ваши полномочия — вас пустят. Без неё — пишите прошение на имя управляющего и ждите месяц-два.

Я дописал последнюю строку и спрятал карандаш. Самарин, видя, что я закончил, откинулся в кресле и сцепил пальцы на животе.

— Имейте в виду: даже когда все эти цифры лягут к вам на стол, они ещё ничего не будут значить. Считать — самое простое, Роман Сергеевич. Труднее будет объяснить помещикам, почему выкупная цена справедлива, а крестьянам — почему они должны платить за землю, которую и так считают своей.

— Это я помню, — скупно улыбнулся я в ответ. — Но ведь и моя идея состоит в том, чтобы не давать в руки помещиков «живых» денег, а заменить их предприятиями. На которых смогут работать их же крестьяне, если не согласятся пойти на железные дороги рабочими, или в иные проекты. А стоимость завода можно на бумаге и чуть зависить при необходимости.

— Лучше до последнего не доводить, — нахмурился Самарин. — Пока же, начните с Центрального комитета. А когда на руках будут первые выкладки, приходите снова — обсудим, в правильном ли вы направлении движетесь, или в процессе свернули не туда.

Я поблагодарил его и вышел на улицу. Погода снова поменялась, но в этот раз в лучшую сторону. Ветер совсем утих, небо разъяснилось и стало слегка пригревать солнце. Я вышел от Самарина в начале четвёртого. Снег, сеявший с утра, сейчас хрустел под ногами. Даже дышалось будто легче, чем несколько часов назад: мороз отпустил, дуть перестало, а редкие зимние пташки запорхали над улицей. Самое время взяться за работу для Филатова!

До пирса я добрался пешком — хотелось пройтись, размять ноги после кабинетной духоты, к чему и погода располагала. Тихон ехал на карете следом.

Фрегат «Прохор» стоял у дальнего причала, за пакетботом и двумя грузовыми баржами. Ещё на подходе я увидел его мачты — три прямые сосны без парусов, с убранными реями. Корпус выкрашен тёмным, почти чёрным, с белой полосой вдоль пушечных портов.

Народа на пирсе почти не было. Двое мастеровых возились у шлюпки, перевёрнутой вверх дном, матрос в тулупе курил трубку, сидя на кнехте, да сторож прохаживался вдоль штабеля ящиков с рыбой. Никто не обратил на меня внимания.

Я остановился напротив фрегата и прикинул ракурсы. С пирса, в лоб — носовая часть, бушприт, форштевень. Слишком плоско, корабль смотрится стеной. Чуть левее — в три четверти — уже лучше: видна линия борта, пушечные порты уходят в перспективу, корма чуть развернута. Но отсюда нос заслоняет баржа.

Я пошёл вдоль причала до самого края, где деревянный настил обрывался над водой. Баржа осталась позади. Отсюда фрегат открывался целиком — от носовой части до кормового фонаря. Правый борт, разворот в две трети. Свет падал с запада, и тени ложились так, что каждая доска обшивки читалась отдельно, а пушечные порты — тридцать штук по правому борту в два ряда — казались строгим пунктиром.

Я достал тетрадь и принялся за работу. Эскиз получался скупым — я не прорисовывал детали, только главные линии. Корпус: соотношение длины к высоте, изгиб форштевня, плавный подъём кормы. Мачты: фок, грот, бизань — расстояние между ними, наклон. Реи: пока просто горизонтальные штрихи, без парусного вооружения. Сбоку пометил себе: «носовая фигура — изображение Святого Прохора, под ним — резной завиток». И ниже: «корма — балкон, три окна сбоку, десять маленьких окон в задней части».

Закончив, я отошёл на шаг и сравнил рисунок с оригиналом. Сходство очевидно. Дома можно будет развернуть этот набросок в несколько ракурсов — с кормы, как если ты смотришь с берега, с носа под острым углом, сбоку в полный профиль, — и прикинуть, какой из них даст то ощущение мощи и скорости, чего хотел Филатов.

Засунув тетрадь обратно в портфель, который взял с собой еще отправившись к Самарину, я пошел к карете. Здесь, на пирсе, ветерок все же присутствовал, и я успел немного замерзнуть. Да и пальцы стали коченеть. Сторож у ящиков проводил меня равнодушным взглядом. Матрос всё так же курил, пуская дым в темнеющее небо. И не скажешь, что крупный порт — настолько было тихо. Не иначе из-за проблем с навигацией в зимнюю пору. Вот по весне, да потом летом тут должна быть уже сутолока. Но мне же лучше, никто не мешает моим мыслям и можно спокойно обдумать предстоящую работу.

Дом встретил меня теплом и запахом готового борща. На пороге меня встретила Настя:

— Роман, тебе тут телеграмму передали. Вестовой из Адмиралтейства приходил. Еще и передал слова Николая Карловича, что Адмиралтейство — не почта, — ее взгляд был встревожен.

Я удивился — кто мог мне написать, да еще на имя Краббе?

Не откладывая, я взял протянутый запечатанный конверт и вскрыл его. А когда пробежался глазами по тексту, стало стыдно. Писал отец. Что-то о Лисове, но меня зацепило иное. Я уже почти неделю, как добрался до столицы, а так и не удосужился черкнуть родным и пары строк. Обещал ведь перед самым отъездом, что буду писать непременно. И что в итоге? Так погрузился в местные дела, что не подумал о родных. Они там ждут, не знают, жив ли, доехал ли, а я рисую фрегаты и хожу с девушками по магазинам.

Нет, откладывать ответ нельзя. Скинув пальто, я подошел к столу и взял чистый листок с пером. Настя подошла ближе, с моего разрешения прочитав телеграмму.

— Ой, а мы ведь тоже домой не написали! — воскликнула она и убежала к сестре в спальню.

Что ж, не один я такой нерадивый сын.

Снова перечитав телеграмму, я все же сосредоточился на ее смысле. «Лисов желает присвоить твою идею». Неужели я ошибся в парне? Посчитал его хорошим и честным человеком, не способным на подлости, а тут... И еще одно — выходит, он все же смог воплотить идею с двигателем внутреннего сгорания в жизнь. Иначе что бы ему было присваивать?

Это следовало тщательно обдумать. Если Николай так быстро смог воплотить двигатель в металле, или уверен в получившихся чертежах, то повторить все это здесь, в Петербурге, не составит труда. Найти кого сведущего в механике и дать ему задание. Николаю еще добираться в Москву или сюда, Питер, нужно, чтобы патент зарегистрировать. Даже если кого наймет, на дорогу уйдет не меньше двух недель. А скорее — больше. Время у меня еще есть. Но что делать, когда я получу тот двигатель? Написать Кряжину, чтобы оформлял патент и на него? Так он в Европе, еще и неизвестно в какой сейчас стране. Так я точно потеряю время, если на Дмитрия Борисовича понадеюсь. Нет, нужно здесь, в столице, искать другого поверенного и с ним работать. Да того же Куропаткина или Сеницына нанять! «Застолбить» так сказать патент, а потом уже можно будет и думать, как его реализовать. Да, так и сделаю! Но сначала — письмо домой.

Глава 4

11 — 12 декабря 1859 года

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

С письмами домой мы закончили быстро. Время до закрытия почтовых станций еще оставалось, поэтому медлить мы не стали. Тут же и спустились вниз, да поехали к ближайшему почтампу.

Небо снова затянуло тучами, но хотя бы снег не шел. Прохожих на улице прибавилось. Суббота, вечер — люди готовились к единственному выходному. Рабочие на заводах лишь к ночи до дома доберутся, а вот служащие разночинцы и дворяне уже могли себе позволить покинуть душные кабинеты и с удовольствием прогуляться по улицам столицы.

— Еще телеграф посетим, — сказал я девушкам, когда письма были приняты служащим почты — стариком лет под пятьдесят с обветренным и усталым лицом.

— Ну да, — энергично кивнула Настя. — Сколько то письмо идти будет? А твои родители уже все испереживались, раз аж через Его Превосходительство тебе весточку прислали. Да и наш папа должен был уже из рейда вернуться.

Придя к такому выводу, мы направились на телеграфную станцию. В отличие от нашего города, она здесь отдельно от почтовой находилась.

На станции пахло нагретым металлом и машинным маслом. Телеграфист — пожилой, в форменном сюртуке с протёртыми локтями — подвинул ко мне бланк и карандаш, не проронив ни слова. Я написал коротко: «Жив, здоров, задержусь Петербурге на два месяца, подробности письмом». Вроде все, ничего лишнего, главное — мои успокоятся. А уж про поручение Великой княгини рассказывать в телеграммах не хочу. Напоследок пересчитав слова, я выложил мелочь на стойку согласно тарифу. Телеграфист пересчитал монеты, кивнул и застучал ключом. Постояв минуту, слушая, как точки и тире уходят по проводам — сначала в Москву, потом дальше, до Царицына, я освободил место девушкам. У тех сообщения тоже были не особо длинными — понимали, что развернутые послания дорого обойдутся. Ну, теперь можно со спокойной совестью работать дальше. Но уже завтра, а сейчас и прогуляться не грех. Погода в Петербурге постоянством и теплыми деньками не балует. Надо ловить моменты, когда снег хотя бы не идет. С такой мыслью я подхватил девушек под руки и прогулочным шагом двинулся по тротуару. По пути еще и в кофейню зайти можно.

Царицын

Получив от полицмейстера задание, участковый пристав Бабушкин медлить не стал. На нынешнюю должность его поставили недавно, вот и выслуживался, как мог. Да и до того баклуши никогда не бил. Сам из крестьянской семьи, он считал, что ему дико везло по жизни. Несмотря на потерю родителей и воспитание бабушкой, Матвей Сафронович сумел прибиться сначала к десяцкому в их деревне, потом через него же и с помощью батюшки получить образование и оттрубить три года городовым. Но не просто по улицам важно расхаживал парень, а по вечерам дополнительно учился. Не стеснялся спрашивать совета у старших товарищей, да всегда охотно отзывался помочь им, особенно офицерам каким. Фамилию ему, кстати, справил тот же батюшка. И раз уж парень при бабушке обрелся в детстве, то мудрить он не стал. Но своей фамилией парень гордился, хотя некоторые и посмеивались.

В городе участковый знал лишь одну гадалку, которая все еще принимает у себя — Богдана из цыганского табора. К ней-то Матвей и направился.

Цыгане в Царицыне осели не первый год, и пристав знал, где их искать: на выселках стояло несколько домов, да рядом был огороженный луг, где летом паслись кони, а сейчас их

там просто выгуливали да дрессировали. Утро стояло морозное, сухое, снега не было два дня, и дорога к выселкам была довольно натоптанной, от чего идти было легко.

Его заметили еще издали. Тут же во дворе забежала детвора, оглянувшись с луга молодой цыган, оценивающе окинув Матвея взглядом, да одна дородная баба с кряхтеньем разогнула спину, прерывая стирку в чане. Когда бабушкин подошел к самому большому дому, из него уже вышел глава цыганской общины Баро. Взгляд его был напряжен, от внезапного визита полиции он не ждал ничего хорошего.

— Здоровья вам, господин пристав, — хмуро кивнул Баро.

Парень мысленно аж заурчал от удовольствия. Вот ради таких моментов он и горбатится, как проклятый — вон как к нему обращаться стали!

— Здравствуй, Баро, — даже чуть свысока ответил Бабушкин. И тут же перешел к делу. — Богдана дома?

Цыганский голова лишь молча кивнул и взмахом руки предложил пройти внутрь.

Гадалка нашлась в дальней комнате. Она сидела за столом и перебирала карты. Матвей подошел к ней смело. Хоть когда он рос, бабушка и предупреждала его сторониться цыган, но сейчас он был на службе, и словно это защищало его от сглаза и порчи. Женщина подняла голову, но карты не убрала. Пожилая, лицо смуглое, в глубоких морщинах.

— Ищешь кого, Бабушкин? — спросила она без страха и без подобострастия.

— Тебя ищу, Богдана, — пристав остановился в двух шагах, заложив руки за спину. — Разговор есть.

Богдана отложила карты в холщовый мешочек и жестом указала на второй стул с протёртым сиденьем. Но Матвей садиться не стал. По опыту знал: сядешь — разговор пойдёт долгий, с чаем, намёками, а ему хотелось выполнить поручение самого Терентия Павловича как можно скорее.

— Кому гадала в последнее время? — спросил он прямо. — И не было ли таких, кто заказывал гадание под нужный ответ?

Богдана усмехнулась, прищурившись. Но не обидно, а скорее, как старой шутке.

— Заказных гаданий не делаю, — сказала она спокойно. — Ни за какие деньги. Сам может слышал.

— О таком не болтают, — кивнул пристав. — Но мне правда нужна. И предложения тебе ведь поступают, — сказал он утвердительно. — От кого? И что ты им говоришь? Только не юли!

Она помолчала, перебирая край платка. Потом назвала два имени — мелких купчиков, с которых взять было нечего, как знал Бабушкин. И добавила третье — не сразу, с заминкой, будто проверяя, стоит ли произносить:

— Винокуров Роман Сергеевич. Дворянин, но не здешний. Молодой юноша. Тоже предлагал.

Матвей постарался ничем не выдать своего воодушевления, хотя сердце его забилося чаще. Чуть приподняв бровь, он постарался задать следующий вопрос тем же голосом, что и прежде:

— И что же ему требовалось?

— Я же сказала — заказных не делаю, — повторила Богдана твёрже. — И ему отказала, как и всем прошлым.

— Отказала дворянину, — Бабушкин растянул слова, давая понять, что не особо верит. — Ты, Богдана, сорок лет людям судьбу предсказываешь. И вдруг — отказ. Что же такое Винокуров заказать хотел, что ты не взялась?

Гадалка долго смотрела на него, прищурившись. Потом вздохнула и сказала тише:

— В гадании я не отказывала. Но не говорила того, что он хотел услышать. Что карты поведали, то и выдала.

— А что же он хотел услышать? — продолжил напирать пристав.

— Тайны гадания... — начала цыганка и Матвей понял, что она сейчас попытается уйти от ответа. Но уж он этого не допустит!

— Ты не исповедник, чтобы тайны хранить, — перебил он ее. — Говори, коли не хочешь беду на весь табор накликать.

Пожевав губами, гадалка вздохнула.

— Он хотел, чтобы я убедила сестёр Скородубовых, будто им ничего не грозит. Что они могут возвращаться домой, ничего не опасаясь, и жить спокойно.

— Убедить, — повторил Бабушкин. — А гадание не о том говорило? И получается, ты бы им соврала?

— Да, — Богдана сказала это жёстко. — А я не вру, когда вижу беду.

Она подняла на него глаза — тёмные, почти без блеска, но не пустые.

— Над этими девочками нависла угроза, Матвей Сафронович. Я не знаю, какая — карты не говорят имён. Но если они уйдут от Винокурова, с ними случится плохое. Это не гадание на заказ, это я видела сама, когда они ко мне пришли ещё осенью. Он просил их обмануть, а я не имела права. Но он может их уберечь — если будет рядом в нужный момент. Это я ему тоже сказала.

Бабушкин выслушал ее молча, не перебивая. Когда Богдана замолчала, он ещё с минуту стоял, обдумывая услышанное. Стоит ли еще надавить? Но господин полицмейстер сказал ему этого не делать. Информацию Матвей уже получил. Частично она подтвердилась — Винокуров и правда пытался заказать «липовое пророчество». Но выходило, что он не столько обманывал девушек, сколько пытался их успокоить — просто чужими устами, потому что своими он, видимо, не сумел их убедить до конца. В этом был расчёт, а не попытка привязать девушек к себе.

«Это если цыганка не врет», — мысленно поправил себя пристав. Но углубляться в такие тонкости, как построение версий, он не стал — его дело было установить факты, а не судить о побуждениях или проводить дознание.

— Ладно, — сказал он наконец. — Если что ещё вспомнишь — дай знать.

Богдана кивнула и снова взялась за карты. Развернувшись, Бабушкин пошёл прочь из цыганского дома, намереваясь поскорее доставить полученную информацию господину полицмейстеру.

Через час он уже стоял в кабинете Терентия Павловича и докладывал — коротко, без подробностей, которые посчитал излишними. Тот слушал, барабанил пальцами по столу. Когда Бабушкин закончил, Шаповалов помолчал, потом сказал:

— Выходит, удержания силой нет. Барышни при нем по своей воле, хоть и по глупости.

— По гаданию, — счел нужным добавить Матвей. — Если кто и виноват, то эта цыганка. Она ведь могла сделать так, как просил Винокуров.

— В данном случае это не важно, — Шаповалов откинулся в кресле. — Ладно, пиши рапорт на имя следователя. Так и укажи: проживают добровольно, оснований для возбуждения дела не имеется. А с Винокуровым пусть отец девушек сам разбирается, это не наше дело. У меня других забот хватает, чтобы еще в личные дела дворян лезть. И тебе совет — не стоит без нужды пытаться докопаться до тайн аристократов. Они это жуть как не любят. Только проблем себе получишь.

Молодой пристав благодарно кивнул, не забыв еще и словесно поблагодарить господина полицмейстера за его мудрость. Шаповалов на это улыбнулся и вальяжно махнул рукой, отпуская подчиненного. По его мнению, дело было закрыто.

Петербург

На следующее утро я проснулся рано, едва за окном посерело. Воскресенье, день тихий, неслужебный. За окнами доходного дома ещё не гремели пролётки, лишь где-то вдалеке звонили к ранней обедне. Настя и Анна уже встали и собирались на службу. Меня тоже не минула сия участь, пусть я и не любитель походов в церковь. Но пропускать ее нельзя — не поймут-с. В этом времени быть атеистом моветон, на тебя станут косо смотреть.

Ближайшая церковь оказалась каменным строением с круглыми куполами. Народу набралось прилично — не протолкнуться. Зато в такой толпе я мог не быть на переднем плане, и можно было лишь отбивать поклоны, а не читать молитвы вместе со всеми, напрягая горло.

Выйдя после службы на улицу, я расстегнул воротник своей рубашки, чтобы дать себе больше воздуха. В церкви было душно, пахло ладаном и потом людей, а тут — свежий ветерок, пытающийся забраться под пальто, хорошо остужал разгоряченное тело. Да уж, церковное служение явно не для меня.

Вернувшись в доходный дом и позавтракав, я задумался, чем заняться. В департаменты сейчас не сходишь, те закрыты. Времени впереди еще полно. Девушки вот уже нашли себе занятие по вкусу и отправились искать портных. Даже если те сейчас не работают, то многие из них живут в своих мастерских и могут принять заказ, или хотя бы дать знать — справятся ли с работой или нет. У меня же было лишь одно дело, которое не требовало походов куда-либо прямо сейчас. Картина для Филатова.

Устроившись у окна с тетрадью, я принялся за работу. Мне предстояло сделать несколько эскизов, чтобы потом выбрать тот ракурс, который точнее всего отвечал бы задаче Филатова — показать корабль в движении, живым, а не застывшим на парадном портрете.

Работа заняла около полутора часов и почти без перерыва. Я делал наброски лист за листом, пробовал наклон мачт, поворот корпуса, угол, под которым ветер наполняет паруса. На первом наброске фрегат шел прямо на зрителя, рассекая волну, и вышел тяжеловатым. Второй я сделал с кормы — но там не хватало стремительности, корабль казался статичным. Тогда я отложил карандаш, потёр пальцы, занемевшие от долгой работы, и начал заново: взял боковой силуэт на полном ходу, с белой пеной у форштевня и крутым креном на правый борт. Линия легла сразу, без правок. Этот третий эскиз я отодвинул в сторону, а рядом положил ещё два, похуже. Перебрав листы, я почувствовал спокойное удовлетворение: работа движется, заказчик увидит не просто готовый ответ, а ход мысли. Пожалуй, завтра с утра и наведаюсь к Филатову — отдам все три, и пусть сам выберет, какой ракурс его «Прохора» кажется ему самым верным.

Девушки вернулись к обеду и тут же напомнили мне о бане. В прошлый раз Туляковские бани оставили самое приятное впечатление, и теперь они желали повторить. Я спорить не стал: после вчерашнего дня на холоде хорошо прогреться, да я и сам привык по воскресеньям париться. Мы собрались быстро и вышли.

Пока добирались до бань, я мысленно гадал — встречу там Федора Михайловича или нет? Вроде как он говорил, что часто туда ходит. Но в этот раз или он уже побывал в бане, или подойдет сюда позже. А может и вообще у него иные на день планы, однако Достоевского в банях не было. А ведь я даже не постеснялся спросить об этом у лакея на входе.

Нам повезло и в банях оказалось немногочленно. Особенно в части для дворян так очереди вообще не было — рано пришли, наверное, народ позже подтянется.

Я устроился на полке и закрыл глаза, чувствуя, как жар проникает в каждую мышцу. Хоть Достоевского на этот раз я не встретил, зато, когда спустился в мыльную и плеснул на себя ковш холодной, услышал рядом оживлённый спор. Говорили громко, но не крикливо, и в речи проскальзывали словечки, какие я слышал разве что в офицерском собрании: «партитура», «регистр», «а каков переход во втором акте!». На лавке сидел молодой человек лет двадцати с небольшим, круглолицый, со слегка вздёрнутым носом, и растирал плечо мочалкой, что-то доказывая мужчине лет сорока. Увидев мой взгляд, он ничуть не смутился, а, напротив, улыбнулся открыто и спросил:

— А что вы думаете о засилье итальянцев в нашей опере? Неужто мы не способны ставить собственные произведения, опираясь на наш, русский фольклор и мотивы?

— Мне сложно дать вам ответ — я не любитель оперы, — ответил я осторожно.

Тут его собеседник представился, смутив немного парня, что тот-то этого не сделал. И оказалось, что молодого человека зовут Модестом.

О Мусоргском я прежде только слышал от Достоевского, а теперь он сидел в двух шагах и с жаром объяснял, отчего русская опера непременно должна уйти от итальянских штампов. Уже не впервые я встречаю на своем пути людей, достаточно умных и образованных, желающих, чтобы Россия шла своим путем, а не оглядывалась на Запад. В будущем тоже были такие нарративы, и как обычно это было связано в моменты, когда страна проигрывала и становилась на ту тонкую грань, когда можно было ее назвать колонией. А стоило беде отойти, так люди расслаблялись и не видели в Западе угрозы, и наоборот — желали бы многое у него перенять. Что в итоге приводило в западнофильству и новому поражению. И так по кругу.

Особо в спор с Мусоргским я вступать не стал. Иногда поддакивал, иногда с сомнением качал головой, предпочтя больше отмалчиваться. Модест почувствовал это, но к моему счастью у него были иные «свободные уши», и он плотно насел на того мужчину, с которым спорил до моего появления. А я, помывшись, покинул бани. Ощущение чистого тела и приятной

неги от недавнего жара словно придало сил, и подняло настроение. Ровно до момента, пока я не увидел своих девушек, рядом с которыми стоял Милашин.

Глава 5

12 — 13 декабря 1859 года

Петербург. Возле Туляковских бань

Иван был напряжен. С того самого разговора с Анной, когда он узнал, что девушка в беде и фактически в заложниках, он не находил себе места. Даже поход в полицию его не успокоил. Милашин прекрасно помнил тот скептический взгляд околоточного надзирателя, который не поверил ему на слово. Не поверить ему! Дворянину! Не желая успокаиваться, Иван уже на следующий день вновь пришел в полицию, чтобы узнать — они сделали хоть что-то по его делу?

— Опрос мы провели. Вы с одной стороны правы — девушки находятся рядом с господином Винокуровым из страха за свою жизнь... — говорил тогда надзиратель.

— Вот! Я был прав! Вы взяли его под арест? — с надеждой спросил тогда Иван.

— Но с другой, — не обращая внимания на то, что его перебили, продолжил надзиратель, — факта запугивания со стороны господина Винокурова не установлено.

— Это как? — не поверил своим ушам Иван. — Вы же сами только что сказали — девушки рядом с ним из страха!

— Они верят в какое-то пророчество, — устало вздохнул тогда полицейский. — Сейчас мы работаем над тем, чтобы установить — существует ли оно, и если да, то было сделано по заказу господина Винокурова или без его участия. Если господин Винокуров не имеет отношения к введению девушек в заблуждение, то мы не можем ничего вменить ему в вину. В этом случае — страхи дам, за которых вы так переживаете, это лишь их страхи. И наказывать господина Винокурова нам тогда не за что.

Милашина потрясло то равнодушие, с каким говорил полицейский. Но большего мужчины от него добиться не смог. И тогда решил действовать сам. Для начала он захотел поговорить с Анной лично, без присутствия посторонних, особенно Винокурова. Но как подгадать момент? Только наняв частного детектива.

Ищейка установил слежку за сестрами Скородубовыми в тот же день. И моментов, когда они были в отрыве от Романа, хватало. Да вот беда — сам Милашин в это время не мог к ним подойти. Как назло его начальник не давал Ивану отлучиться со службы, а когда появлялось свободное время, девушки были уже в компании Винокурова. Оставалась одна надежда — что в свой выходной день он все же сможет с ними поговорить. Правда совсем уж полагаться на удачу Милашин не стал. Получив от ищейки сведения, что Скородубовы с Винокуровым отправились в Туляковские бани, Иван решил действовать. Он понимал, что лишь в банях девушки будут отдельно от Романа, а потом вновь объединятся и могут уже до самого вечера не расстаться. А в будни на Милашина опять насядет начальник, и выкроить минутку на разговор не выйдет.

Добравшись до бань, Иван первым делом узнал у нанятого детектива — внутри ли еще девушки.

— Пока моются, — спокойно ответил мужчина чуть за сорок лет. Даже в гражданском платье в нем чувствовалась выправка — явно раньше служил, скорее всего в полиции.

— Организуйте мне с ними встречу, — хмуро сказал ему Милашин. — Пусть выйдут, пока Винокуров еще в банях.

Детектив не стал спорить, будто это невозможно, а лишь коротко кивнул, принимая задание.

— С вас дополнительно еще десять рублей, — лишь добавил он напоследок.

И вот, буквально через несколько минут дамы все же покинули Туляковские бани, растерянно и взволнованно оглядываясь. Тут-то Иван и подошел к ним.

— Анна! — выдохнул он, волнуясь и не зная, с чего начать.

— Это вы?! — удивленно обернулась девушка. — Но нам сказали... Что вам нужно, — первая растерянность прошла и теперь в девушке появилась агрессия.

И это заставило Ивана собраться. Отбросив свое волнение, он принял максимально уверенную позу и сказал:

— Я пришел спасти вас.

Открывшаяся мне картина стоящих напряженно девушек и Ивана Милашина напротив мне не понравилась. Между ними явно назревал конфликт, и я поспешил к ним подойти.

Анна была напряжена как струна. Настя рядом с ней кидала панические взгляды по сторонам, словно ища помощи. Рядом стоял Милашин — чуть расставив ноги, заложив руки за спину, точно учитель перед нерадивыми ученицами.

— ...сходил в полицию, — договаривал он, и голос у него был ровный, почти будничным. — Дело Винокурова обязательно предадут суду. Скоро вы будете свободны, Анна Петровна, и вы, Анастасия Петровна. Осталось потерпеть.

Настя заговорила первой — тихо, но так, что каждое слово долетало до меня, почти достигшего их троицы, вполне отчетливо:

— Вы хотите нашей смерти, Иван Сергеевич? Так нам это понимать?

Анна шагнула вперед. Теплый платок на ее голове чуть сбился, но она не обратила на это внимания.

— Вы даже не представляете, — ее голос сорвался, — что вы творите. Вы пришли нас... спасти? Вы нас губите. Оставьте нас. Не пишите мне больше. Забудьте, что я есть. Забудьте!

Милашин качнул головой, открыл рот — и осекся, заметив меня.

Я подошел уже никуда не торопясь, надвигаясь на него всем телом, и встал чуть впереди сестер, загораживая их.

— Ты слышал? — Анна повернулась ко мне, на щеках — красные пятна. — Он снова был в полиции и утверждает, что дело уже открыто! Как так?

Милашин повел подбородком:

— Я исполнил долг. И советую вам, Винокуров, не усугублять.

Не успел я ответить как сбоку, от угла улицы, подошел городской. Шинель застегнута на все пуговицы, усы сурово топорщатся в стороны. Он посмотрел на нашу группу и вздохнул так, словно перед ним не дворяне, а подвыпившие мастеровые.

— Господа, — сказал он скучным голосом, — прошу потише. Вы загораживаете проход. Да и сами посмотрите — на вас уже оборачиваются люди. Разрешайте ваш конфликт в ином месте.

Милашин выпрямился. Провел ладонью по пуговицам сюртука, будто стряхивал пыль.

— Я закончил.

Он коротко кивнул — не нам, скорее собственному решению — и пошел прочь. Городской проводил его взглядом и тоже удалился, тяжело ступая по брусчатке тротуара.

Мы остались втроем под хмурым небом. С Финского залива тянуло сыростью. Настя тронула сестру за локоть. Анна стояла, глядя в землю, и дышала часто, будто после бега.

— Пойдемте, — сказал я.

Оставлять его выпад безнаказанным я не собирался. Думал, что раз он сходил разок в полицию, то на том и успокоится. При проведении полицией своего долга, как положено, нам ничего не грозило. Но эта выходка... она меняла все. Теперь уже я сам пойду в атаку! Однако сначала нужно успокоить девушек.

Они двинулись за мной молча.

До номеров добрались быстро. Покинув уютное тепло кареты, мы быстрым шагом поднялись до нашего этажа и ввалились в комнаты. Когда вошли в гостиную, Анна все также молча

скинула туфли и ушла в спальню. Дверь не закрыла — просто села на край кровати и заплакала, уткнувшись лицом в ладони.

Настя взглянула на меня. В глазах — растерянность пополам с беспомощностью и страхом. Но на нее слова Милашина не произвели такого впечатления, как на Анну. Наверное подсудно считает, что точно останется со мной, ведь мы уже помолвлены. Я не стал ей напоминать, что если меня посадят, то разлука обеспечена. Вместо этого кивнул в сторону спальни:

— Ей сейчас нужна твоя поддержка.

Ничего не ответив, Настя ушла к сестре.

Сняв пальто, я повесил его на крючок и задумался, что нужно сделать, чтобы Милашин успокоился. Не знаю, как идут дела в полиции. Подкупил ли он там кого, или просто пугал девушек? В первом случае идти в участок бесполезно, а надеяться на второй — глупо. Из спальни доносился приглушенный голос Насти — она говорила что-то быстро, неразборчиво, с теми мягкими интонациями, какие бывают только между сестрами. Потом — тишина. Единственное, что мне пришло в голову — обратиться к Николаю Карловичу за советом. Не за решением проблемы — итак я уже чрезмерно пользуюсь расположением контр-адмирала. Но может он хотя бы подскажет, к кому я могу обратиться в полиции, чтобы надеяться на честное ведение этого дела.

За стеклами сгущались петербургские сумерки — не темнота даже, а размытая серость, в которой фонари только угадывались. В банях мы пробыли долго, да и потом я попросил Тихона сильно не гнать, чтобы дать девушкам немного успокоиться в пути под мерное покачивание кареты. Из спальни больше не доносилось ни звука. Я отворил дверь.

Они сидели на кровати рядом. Настя обнимала сестру за плечи, прижавшись щекой к ее волосам. Анна уже не плакала — дышала медленно, глядя куда-то в угол, где на обоях проступал выцветший цветочный узор. Услышав мои шаги, Настя подняла голову. Ничего не сказала — просто чуть отодвинулась, освобождая место.

Я сел с краю. Кровать скрипнула, от чего Аня вздрогнула, но не отстранилась.

— Он не оставит, — проговорила она глухо. — Вы же видели его лицо. Он не оставит.

— Оставит, — сказал я как можно увереннее. — Я разберусь с этим.

Девушка подняла на меня глаза. Веки припухшие, ресницы слиплись.

— А если не получится? Если... ты не успеешь?

— Не думай о плохом. И не таких обламывали, — сказал я бравурно.

Настя молчала. Она смотрела на меня и гладила сестру по спине — медленно, сверху вниз, раз за разом. Впервые вижу, чтобы Настя успокаивала сестру. Мне казалось, что раньше в их паре было все наоборот. Я заметил, что у нее самой подрагивают пальцы.

Мы просидели так с полчаса, почти не разговаривая. Потом Настя встала, зажгла лампу на туалетном столике. Комната наполнилась желтоватым светом. Аня поежилась.

— Я не хочу сегодня спать одна, — сказала она тихо.

Настя посмотрела на меня. Я кивнул.

Мы легли втроем поверх покрывала, не раздеваясь. Настя — слева, я — справа, а Аня посередине. Она повернулась на бок, спиной ко мне, и Настя тут же придвинулась ближе, обняла ее, уткнулась носом в затылок. Никакого интима девушкам сейчас было не нужно. Лишь простое человеческое тепло. Так мы и заснули.

Царицын

Получив неожиданное письмо от Михайлова, Александр Иванович не стал спешить с ответом. Да и с визитом тоже. Он же не холоп какой, чтобы по первому требованию мчаться к хозяину. Но и игнорировать послание Бориса Романовича было бы глупостью.

Кулаков выждал сутки. Однако и тянуть дольше воскресенья было бы глупо. Михайлов сумел удивить купца. И тем, как быстро обнаружил и вычислил любовника своей дочери, и

тем, что написал без посредников — прямо и без обиняков. Это вызывало уважение. Мужчина не ждал от главы дворянского собрания такой прыти в делах, которые касаются не служебных вопросов, а его дочери. Значит, Арина ему дорога. Значит, на это можно давить при необходимости.

День Кулаков потратил на то, чтобы обдумать разговор. О чем говорить с Михайловым? Оправдываться он конечно не собирался. Уверять аристократа в своих чувствах к Арине — тоже: это прозвучало бы фальшиво, да и не те у них с девушкой были отношения, чтобы разводить романы. Но и врагом Михайлова купец уж точно быть не хотел. Обсудить отношения между Ариной и Александром конечно придется, но главное не это. Ведь Кулаков с самого начала, как узнал под маской дочь главы дворянского собрания, решил «идти ва-банк». И сейчас представилась возможность предложить Борису Романовичу дельце, которое с одной стороны принесет выгоду обоим, а с другой — поставит их в равные условия. И решение пришло само собой к вечеру субботы.

В воскресенье Кулаков надел сюртук построжее, повязал шейный платок посеребренной булавкой и отправился к Михайлову. Визит в выходной день — дело обычное, не вызывающее толков. Сослуживцы навещают друг друга по воскресеньям; купец, явившийся к главе собрания — это вполне в порядке вещей. Иное дело — приди Александр Иванович к нему в понедельник или иной будний день. Тут уж шепотки пошли бы неизбежно о том, что за вопрос они решали.

Михайлов принял купца в кабинете. Сидел за столом, перед ним — прибор с чернильницей и стопка бумаг. Выглядел спокойным, но пальцы правой руки постукивали по столу — мелко, нетерпеливо. Александр Иванович отметил это сразу и понял: нервничает. Хорошо. Значит, преимущество уже на стороне купца.

— Александр Иванович, — сказал он, не вставая. — Присаживайтесь.

Отказываться Кулаков не стал, чинно усевшись в кресло напротив дворянина. От предложенного чая отказываться не стал — совместная трапеза располагает, а предстоящий вопрос был довольно деликатным и дерзким.

— Борис Романович, — начал Кулаков, когда понял, что предложенный чай — лишь формальность и сам Михайлов не спешит вести светские беседы. Разговор придется форсировать, — вы меня позвали, я пришел. Догадываюсь, о чем бы вы хотели со мной поговорить. Сразу очерчу свою позицию — никаких долгосрочных планов или, упаси боже, влюбленности у меня в... одну девушку нет, — не стал он все же напрямую называть имя дочери дворянина, чтобы еще сильнее его не провоцировать. — И потому разговор наш я бы хотел вести в ином направлении.

Михайлов чуть прищурился.

— Отрадно слышать первое, — подтвердил Борис Романович мысли Кулакова, что тот не желал бы, чтобы тайная связь вдруг из-за чувств стала явной. И тут же сумел удивить купца. — Если все так и останется... то я не против. Но ровно до момента, пока не найду этой... девушке новую пару, — с сарказмом закончил мужчина. — И о каком же ином направлении вы тогда пришли поговорить? Я слушаю.

— Положение у дворянства, Борис Романович, сейчас сложное. И вы, как глава собрания, понимаете это лучше всего. Давайте называть вещи своими именами — дворянство беднеет, а казна не помогает. Да еще и хотят у помещиков еще больше денег забрать, отдав землю крестьянам. И я хочу предложить помощь, хотя бы в нашем уезде для начала, решить частично этот вопрос, а нам с вами — заработать.

Михайлов промолчал, но взгляд стал цепким. И Кулаков воспринял это, как молчаливое согласие выслушать купца.

Александр Иванович не заставил себя долго ждать и изложил суть. Контрабанда из Османской империи. Ткани — шёлк, муслин, дамаск. Чай цейлонский, отборный. Кулаков

берет на себя завоз: у него есть люди, есть каналы, есть возможности доставить товар в Царьцын без лишних глаз. От Михайлова требуется сбыт. Он предлагает товар дворянам — тем, кому нужна качественная материя по цене ниже рыночной. Ведь отказываться от своего образа жизни они не станут — это и потеря репутации, да и просто никому не хочется терять комфорт. Выгода же у их союза — в отсутствии акциза. Себестоимость товара настолько низка, что, даже уступив в цене против рынка, оба останутся в хорошем барыше.

— Это незаконно, — сказал Михайлов глухо, когда купец закончил. Лицо его закаменело.

— Незаконно, — не стал спорить Александр Иванович. — Но выгодно. И давайте начистоту — вам не впервой преступать закон. Пусть никто вас за руку не ловил, но...

— Я никогда не крал у страны! — процедил Михайлов.

Он поднялся из-за стола. Александр Иванович видел, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулак.

— Вы предлагаете мне, главе дворянского собрания... — голос его дрогнул, но не от слабости — от гнева. — Вы предлагаете мне заниматься контрабандой? Вы понимаете, с кем говорите? Я вас, сударь, должен сейчас же сдать полиции.

Купец еле сдержался от усмешки. И это ему говорит тот, кого за глаза называют «скользким змеем»!

— Можете, — удержав лицо и не двигаясь с места, спокойно кивнул мужчина. Вот и пришел черед его «kozyря», без которого этот разговор никогда бы не состоялся. — Только потом епархия заинтересуется тем, что ваша дочь тайно встречалась с женатым купцом. Я ведь не отопрусь, Борис Романович. Мне тогда терять будет нечего — денег и свободы вы меня лишите, а мое имя и так купеческое, а не графское. А вот Арина... — Кулаков выдержал паузу. — Ее репутация будет погублена. И мужа вы ей тогда не найдете никогда. И внуков, продолжателей вашего рода, вам не видать. Сами понимаете.

Михайлов смотрел на купца с яростью. Не столько от предложенной сделки, сколько от факта, что его шантажируют. Что он не может сделать наглому купцу ничего, кроме как просто отпустить. Да и тогда это не гарантирует, что Александр Иванович не применит шантаж позже к своей выгоде. В комнате повисла тишина. Часы на каминной полке отсчитали четыре удара. Михайлов опустил обратно в кресло и провёл ладонью по лицу.

— Мне нужно подумать, — проговорил он наконец.

— Думайте, — встал Александр Иванович. Он понимал, что одно дело — бороться с местными дворянами, пусть даже не совсем законными методами, и совсем иное — перейти дорогу государству. Каким бы Борис Романович не был ушлым и хитрым, но он был дворянином. Которые изначально должны служить стране, а не воровать у нее и государя. Хотя как знал Кулаков, в столице подобным мало кого удивишь. — Я не тороплю вас. Но и вы с решением не затягивайте. Время, Борис Романович, такой же товар, как шелк. Только его не завезешь из-за моря.

В прихожей мужчина задержался лишь затем, чтобы взять с вешалки шляпу. И тут увидел ее.

Арина стояла в проеме гостиной — замерла, прижав к груди какую-то книгу в тёмном переплёте. Первую секунду она смотрела на мужчину с простым женским любопытством: кто таков? С чем пожаловал к отцу? Кулаков это сразу понял — она ведь никогда не видела его лица. Их встречи всегда проходили в полумраке, в масках, и, судя по ее вопросам, она до сих пор не догадалась, кто скрывается под этой маской.

Но когда Александр Иванович двинулся к выходу, любопытство в ее глазах сменилось иным выражением. Она узнала его. Не лицо — посадку головы, плечи, манеру ступать. Мужчина успел заметить, как ее пальцы стиснули книгу, а взгляд метнулся к двери кабинета. Всего мгновение — но в нем было все: страх, узнавание, немой вопрос.

Никак комментировать ее мимику купец не стал. Просто наклонил голову в легком поклоне, надел шляпу и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, он представил, как она стоит там же, глядя на дверную ручку и, должно быть, решая, войти ли к отцу или дожждаться, пока он сам выйдет. Но это уже были не его заботы.

Петербург

С самого утра я уже был на ногах. Утро началось рано. Девушки в середине ночи облепили меня руками и ногами, из-за чего вылезти, не разбудив их, не удалось. А после утреннего туалета и умывания они еще и потребовали ласки. Не словами — поглаживая меня по спине, щекоча мою шею поцелуями и принимая провокационные позы. Общим хотелось поскорее выкинуть из головы вчерашнюю встречу с Милашиным и его слова. Я не стал сопротивляться, да и желания такого по сути не было.

Удовлетворив своих дам, я помчался в Адмиралтейство к Краббе. Адмирал принял меня не сразу. В его дверь то и дело то забежал его адъютант, то он выходил с пачкой бумаг и распоряжений, то какой иной офицер тщательно осматривая перед дверью свой внешний вид, заходил с докладом. Но все же Николай Карлович нашел для меня минуту.

— Родителям написал? — первым делом спросил он меня после короткого приветствия.

— Да, спасибо, что передали их телеграмму.

— Тогда по какому вопросу? — спросил он деловито, возвращаясь к бумагам на столе. Я кратко, словно читал рапорт, обрисовал сложившуюся ситуацию с Милашиным.

— Нужен ваш совет, — честно закончил я в конце. — Помощи не прошу — сам разберусь, но как лучше поступить, не знаю, — поспешно добавил я.

Оторвавшись от бумаг, Краббе поднял на меня тяжелый взгляд.

— Если все так, как ты описал, то просто отправь телеграмму в Царицын кому-нибудь из знакомых. Пускай те по месту сходят в полицию и вместе с приставом под их свидетельством опросят ту цыганку. В случае если этот господин Милашин кого подкупил, то эти показания разобьют его слова в пух и прах. А следом сможешь подать сам на него в суд за клевету.

— Спасибо, ваше превосходительство, — искренне поблагодарил я адмирала.

Больше задерживаться у него я не стал. Николай Карлович и сам занятой человек, да и у меня дела найдутся. Телеграмму я отправил уже через полчаса на имя Волошина. Попутно добавил для Емельяна Савватеевича, что написанная для него песня имела успех в салоне Великой княгини. Пусть офицер порадует, а заодно и не отмахнется от моей просьбы. И только потом я отправился в Центральный статистический департамент, как планировал раньше, еще до всей этой истории с Милашиным.

Самарин дал мне адрес ещё два дня назад, и теперь я шел по Малой Морской, отыскивая нужный дом. Управление помещалось в трехэтажном здании бывших присутственных мест — внутри пахло бумагой, клеем и табаком, который курили в коридорах служащие.

Чиновник, к которому меня направили, носил фамилию Прянишников и был лыс, слегка небрит и явно скучал. Однако гербовый лист от Великой княгини произвел на него впечатление: он прочитал его дважды, после чего заметно оживился и предложил пройти в архивную комнату. Там, среди шкафов, набитых папками с губернскими отчетами, я отыскал материалы по Саратовской губернии. Сведения были разрозненные: число дворов и душ, посевные площади, количество скота, недоимки, рекрутские списки за последние три года, но все это лежало отдельно, каждый отчет в своей папке, без сводной таблицы. Так и оказалось, как предупреждал Самарин — статистика в империи велась по ведомствам, но не сводилась в единую картину.

Я сел за свободный стол у окна, достал чистую тетрадь и принялся переписывать данные в нужном мне порядке. Сначала вывел графы: уезд, число помещиков, число дворов, общинные земли, подушный сбор, средний урожай ржи и пшеницы за последние пять лет, число тяглых и нетяглых, школы, больницы. Потом, сверяясь с папками, стал заполнять строки — уезд за уездом. Цифры шли туго: в одном отчете не хватало данных по урожаю, в другом — по общинным наделам, приходилось выискивать примечания мелким шрифтом, сносить на другие папки, которые я тут же запрашивал. Прянишников носил мне папки без возражений, только кряхтел — видимо, гербовый лист продолжал действовать.

Я просидел за этой работой до обеда. Когда стрелка на стенных часах показала час пополудни, я переписал последнюю строку по Вольскому уезду и закрыл тетрадь. На сегодня хватит. Предварительная таблица была почти готова: четырнадцать уездов, сорок восемь позиций, пустых клеток хватало, но еще день такой кропотливой работы, и они заполнятся. А вот чего я здесь не найду, то позже можно будет дозаполнить по земским отчетам, которые надо запросить телеграфом со ссылкой на поручение члена императорской фамилии. Я поблагодарил Прянишникова, оставил ему пятерку за труды, глядишь, в следующий раз уже без всякой бумаги мне будет рад, и вышел на улицу.

Домой вернулся во втором часу. Анны и Анастасии не было — они, как и договаривались накануне, убежали к портникам. И это хорошо! Пусть отвлекутся от всей этой неприятной ситуации с Милашиным. На столе в гостиной стояла остывшая чашка кофе, которую мне оставила Анастасия, и лежала записка: «Будем к вечеру. Не скучай». Я усмехнулся, отпил холодный кофе и сел за эскизы Филатова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.